КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ САНКТ–ПЕТЕРБУРГА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

СБОРНИК

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ПОВСЕДНЕВНЫЙ ПОДВИГ: ЖИЗНЬ ГОРОЖАН В УСЛОВИЯХ ОСАЖДЕННОГО ЛЕНИНГРАДА: К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ НАЧАЛА БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

3 ФЕВРАЛЯ 2026 Г.

ПОВСЕДНЕВНЫЙ ПОДВИГ: ЖИЗНЬ ГОРОЖАН В УСЛОВИЯХ ОСАЖДЕННОГО ЛЕНИНГРАДА: К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ НАЧАЛА БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Сборник материалов
всероссийской научно-практической конференции

г. Санкт-Петербург, 3 февраля 2026

Электронное текстовое издание

Санкт-Петербург
Наукоемкие технологии
2026

© Государственный мемориальный музей
обороны и блокады Ленинграда, 2026
ISBN 978-5-00271-121-5

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
П42

Сборник разработан в рамках всероссийской научно-практической конференции
«Повседневный подвиг: жизнь горожан в условиях осажденного Ленинграда:
к 85-летию со дня начала блокады Ленинграда»
3 февраля 2026 г.
г. Санкт-Петербург

Организатор:

Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»

Рецензент:
Александр Владиславович Кутузов — доктор исторических наук,
ученый секретарь Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения
культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»

П42 Повседневный подвиг: жизнь горожан в условиях осажденного Ленинграда: к 85-летию со дня начала блокады Ленинграда: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции; г. Санкт-Петербург, 3 февраля 2026 [Электронный ресурс] — СПб.: Наукоемкие технологии, 2026. — 78 с. — URL: https://publishing.intelgr.com/archive/Povsednevnii-podvig.pdf.

ISBN 978-5-00271-121-5

В сборнике размещены тезисы выступлений и доклады участников всероссийской научно-практической конференции «Повседневный подвиг: жизнь горожан в условиях осажденного Ленинграда: к 85-летию со дня начала блокады Ленинграда».

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-00271-121-5

© Государственный мемориальный музей
обороны и блокады Ленинграда, 2026

Научное издание

Повседневный подвиг: жизнь горожан в условиях осажденного Ленинграда: к 85-летию со дня начала блокады Ленинграда

Сборник материалов
всероссийской научно-практической конференции

г. Санкт-Петербург, 3 февраля 2026

Электронное текстовое издание

Корректор *О.А. Гильфанова*
Верстка *Ю.Н. Сафонкина*
Главный редактор *В.М. Коровин*

Подписано к использованию 7.05.2026.
Объем издания — 5,4 Мб.

Издательство «Наукоемкие технологии»
ООО «Корпорация «Интел Групп»
https://publishing.intelgr.com
E-mail: publishing@intelgr.com
Тел.: +7 (812) 945-50-63
Интернет-магазин издательства
https://shop.intelgr.com/

ISBN 978-5-00271-121-5

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ 6

ДОКЛАДЫ 15

АНИКОНОВ П.А. Заведующий отделом информационного и компьютерного обеспечения Библиотеки РАН, н. с. Института истории обороны и блокады Ленинграда
АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ОБСТРЕЛЫ КАК ФАКТОР ПОВСЕДНЕВНОСТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА 16

ЛОМАГИН Н.А. Доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, начальник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» ГММОБЛ
БЛОКАДНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ДНЕВНИКЕ АЛЕКСЕЯ ФЕДОРОВИЧА ФОГТА 26

КОВАЛЕВ Б.Н. Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории обороны и блокады Ленинграда, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
ЗНАЧИТ, НУЖНЫЕ КНИГИ ТЫ В ДЕТСТВЕ ЧИТАЛ... (ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В БЛОКАДНЫХ ДНЕВНИКАХ) 31

ГЛЕЗЕРОВ С.Е. Кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела «Института истории обороны и блокады Ленинграда» Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ БЛОКАДЫ (ОСЕНЬ 1941 ГОДА) НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА». ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА 34

КОЛОТУШКИН В.Г. Кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»
«Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ЛЕНИНГРАД БЫЛ ВЗЯТ»: ДНЕВНИК АЛЕКСЕЯ МАТВЕЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА 44

ВЫЧЕРОВ Д.А.
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ЭВАКУАЦИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 53

ПАНОВА О.В. Почетный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, преподаватель высшей категории Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ФЕНОМЕН БЛОКАДНОГО ДЕТСКОГО ДОМА 63

АСТАШКИН Д.Ю. Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Музея обороны и блокады Ленинграда, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
БЛОКАДНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В МЕДИА ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1941–1944 ГГ.): КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА 71

ЛАВРИНОВИЧ К.В. Кандидат педагогических наук, доцент Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ
К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ БЛОКАДНОГО ГОРОДА 74

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

ПРОГРАММА ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ПОВСЕДНЕВНЫЙ ПОДВИГ: ЖИЗНЬ ГОРОЖАН В УСЛОВИЯХ ОСАЖДЕННОГО ЛЕНИНГРАДА: К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ НАЧАЛА БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА»

Конференция посвящена актуальным проблемам жизни ленинградцев и военнослужащих в условиях блокады. Несмотря на обширную историографию по данной теме, многие сюжеты по-прежнему вызывают интерес у историков. Программный комитет конференции предложил участникам рассмотреть следующие вопросы:

- блокадная повседневность: основные направления исследований;
- источники изучения повседневности;
- методология изучения повседневности;
- деятельность органов власти и управления по решению социально-экономических и бытовых вопросов горожан;
- повседневность разных групп населения (руководящие кадры, люди разных профессий, пола и возраста);
- локусы блокадной повседневности;
- отражение блокадной повседневности в искусстве и средствах массовой информации блокадного периода;
- театры, кино и массовые мероприятия в повседневной жизни блокадного города;
- ритуалы блокадного времени;
- информационная среда и слухи в условиях изоляции.

Конференция призвана объединить ведущих историков России, а также молодых ученых. Важная просветительская составляющая мероприятия — это представление новейших исследований современной исторической

науки по теме блокадной повседневности, деятельности органов городской власти, введение в научный оборот ранее неизвестных архивных документов.

Одним из важных научных результатов конференции станет публикация материалов конференции, а также серии статей в высокорейтинговых академических периодических изданиях.

Работа конференции будет освещаться в региональных и федеральных СМИ.

Программный комитет конференции:

Сиренов Алексей Владимирович — д.и.н., член-корреспондент Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

Лезик Елена Витальевна — директор Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»

Ломагин Никита Андреевич — д.и.н., проректор АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», начальник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»

Болдовский Кирилл Анатольевич — к.и.н., руководитель Лаборатории СПб ИРИ РАН, с.н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»

Урушадзе Амиран Тариелович — к.и.н., декан факультета истории АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Время проведения — **03 февраля 2026 года**

Место проведения — **Санкт Петербург**

Формат однодневной конференции: два пленарных заседания

03 февраля

09:00–09:50 Регистрация участников

10:00–10:30 Открытие конференции

10:30–13:15 Первое пленарное заседание (Гангутская ул., д. 1)

13:15–13:30 Дискуссия

13:30–14:30 Обед

14:30–18:10 Второе пленарное заседание (Гагаринский зал, вход с ул. Гагаринская 6/1)

18:15–18:30 Подведение итогов конференции (Гагаринский зал)

Регламент выступлений

Пленарный доклад до 20 мин. Вопросы и обсуждения до 5 мин.

Торжественное открытие конференции

Приветствия участникам:

- **Лезик Елена Витальевна,** директор СПб ГБУК «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»
- **Тищенко Петр Евгеньевич,** председатель Архивного Комитета Санкт-Петербурга
- **Сиренов Алексей Владимирович,** д.и.н., член-корреспондент Российской академии наук, Директор Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
- **Даудов Абдулла Хамидович,** д.и.н., профессор, директор Института истории Санкт-Петербургского Государственного Университета
- **Колякин Александр Николаевич,** специальный представитель Губернатора Санкт-Петербурга
- **Соколов Роман Александрович**, проректор по воспитательной деятельности и молодёжной политике Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена

10.30–13.30 Пленарное заседание. Блокадная повседневность: основные направления исследований

Ведущий: **А.Т. Урушадзе,** к.и.н., декан факультета истории ЕУСПб

Доклады:

- **К.А. Болдовский,** к.и.н., руководитель Лаборатории изучения истории обороны и блокады Ленинграда СПб ИИ РАН, ст. н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»
  «Власть и общество в блокированном Ленинграде: механизмы и практики взаимодействия»

- **А.А. Амосова,** к.и.н., доцент Института истории СПбГУ, кафедра музеологии; с.н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»
  «Блокированный Ленинград как пространство повседневности в материалах руководства города»

- **Е.А. Поправко,** д. и. н., доцент по кафедре отечественной истории, профессор Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, кафедра военно-политической работы в войсках (силах)
  «Работа Тыла Ленинградского фронта по обеспечению боевой и повседневной деятельности войск в условиях блокады Ленинграда (1941—1944 гг.)»

- **П.А. Аниконов,** н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»
  «Артиллерийские обстрелы как фактор повседневности блокадного Ленинграда»

- **Н.А. Ломагин,** д.и.н., проректор ЕУСПб, начальник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского

государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»
«Блокадная повседневность в дневнике Алексея Фогта»

- **Б.Н. Ковалёв,** д.и.н., в.н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда», в.н.с. СПбИИ РАН
«Просто нужные книги ты в детстве читал… (Художественные произведения в блокадных дневниках)

- **С.Е. Глезеров,** к.филол.н., научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»
«Отражение блокадной повседневности на страницах газеты «Ленинградская правда» в первые месяцы блокады осенью 1941 года»

- **В.В. Григорчук,** м.н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»
«Реконструкция биографии: от семейных воспоминаний к архивным документам (на примере семьи Фрейндлих)»

- **Г. Колотушкин,** к.и.н., н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»
«Дневник Алексея Матвеева как источник по истории блокады Ленинграда»

- **Н.В. Дмитриева,** к.и.н., доцент факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге., доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета
«Социалистические соревнования в производственной повседневности сотрудников кондитерских предприятий блокадного Ленинграда (1942–1943)»

Дискуссия:

14.30–17.30 Пленарное заседание (2-я часть) (Гагаринский зал, вход с ул. Гагаринская,6/1)

Ведущий: **Н.А. Ломагин,** д.и.н., проректор ЕУСПб, начальник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» СПб ГБУК ГММОБЛ

Доклады:

- **А.С. Конохова,** к.и.н., н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»
  «Изменение структуры населения Ленинграда в 1943–1945 гг.: источники, историография»

- **К.В. Лавринович,** к.п.н., доцент Северо-западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
  «К вопросу формирования информационного поля блокадного города»

- **В.К. Хазов,** к. филос. н., доцент Высшей школы общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого;
  А.С. Прищепа, к.и.н., доцент Высшей школы общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»
  «Повседневная жизнь и профессиональная деятельность сотрудников ленинградских промышленных предприятий в годы блокады»

- **Д.А. Вычеров,** к.и.н., доцент Высшей школы общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»

«Трудовые будни учащихся школ ФЗО на предприятиях города во время блокады»

- **О.В. Панова,** преподаватель истории Северо-западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
  «Феномен блокадного детского дома»

- **И.И. Горелов,** м.н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда».
  «Повседневная деятельность Краснознамённого Балтийского флота в условиях морской блокады 1941–1943 гг.»

- **Д.Ю. Асташкин,** к.и.н., с.н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда», с.н.с. СПбИИ РАН.
  «Отражение блокадной повседневности в медиа Великобритании 1941–1944 гг.»

- **А.Ю. Павловская, исследователь Центра изучения эго-документов «Прожито» ЕУСПб,** м.н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда».
  «Практики самоописания женщин в блокадном Ленинграде»

- **С.К. Бернев,** к.и.н., с.н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»
  «Немецкая школа «Ленинград» в Гатчине. 1942»

- **М.А. Ганин,** к.и.н., старший преподавать Высшей школы общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, н.с. отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского государственного

бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда».

«Жизнь и работа эвакуированных жителей блокадного Ленинграда в Узбекистане (на страницах газеты «Правда Востока»)»

Дискуссия:

18.15 Подведение итогов работы конференции

ДОКЛАДЫ

АНИКОНОВ П.А.
Заведующий отделом информационного
и компьютерного обеспечения Библиотеки РАН,
н. с. «Института истории обороны и блокады Ленинграда»
Государственного мемориального музея
обороны и блокады Ленинграда

АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ОБСТРЕЛЫ КАК ФАКТОР ПОВСЕДНЕВНОСТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Практически на протяжении всей блокады Ленинграда, ставшей самым трагическим и героическим периодом в истории нашего города, он подвергался обстрелам из вражеской артиллерии. Наиболее полные сведения о составе вражеской артиллерийской группировки, ее действиях против Ленинграда и их разрушительных последствиях содержатся в документах немецкой группы армий «Север» и входивших в нее соединений и частей, находящихся в Национальном архиве США (NARA) и Бундесархиве ФРГ, сводках и докладах Местной противовоздушной обороны (МПВО) Ленинграда из фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), документах частей и подразделений Ленинградского фронта (ЛФ) и Краснознаменного Балтийского флота (КБФ), дислоцировавшихся на территории Ленинграда из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) и филиала ЦАМО РФ в Гатчине, а также в дневниках и воспоминаниях блокадников.

Артиллерийские обстрелы Ленинграда начались за несколько дней до установления вражеской блокады города. Первый обстрел города был произведен противником из 240-мм пушек 4 сентября 1941 года [1]. Последний вражеский обстрел города произошел 22 января 1944 года, когда ранним утром на территории Московского района упали несколько

крупнокалиберных снарядов, выпущенных из немецкой железнодорожной артиллерийской установки, т. е. за 5 дней до полного снятия блокады [2]. Все это время горожане и защитники Ленинграда жили под постоянно занесенным Дамокловым мечом вражеских обстрелов. Это был самый длительный фактор разрушительного физического и психического воздействия на жителей и защитников Ленинграда, так как бомбардировки и голод продолжались меньше. Таким образом, неприятельские артобстрелы были неотъемлемой частью повседневной жизни ленинградцев на протяжении почти всего времени осады города.

По количеству обстрелов и числу выпущенных по городу снарядов вражеские артиллерийские обстрелы Ленинграда во время блокады можно разделить на шесть периодов:

1. Сентябрь — декабрь 1941 года, по городу выпущено более 13000 снарядов. В это время немцы производили мощные обстрелы огневыми налетами и изнуряющим методическим огнем.

2. Некоторый спад в январе 1942 года и возобновление сильных обстрелов с февраля по середину июля, более 17 000 снарядов. Из-за возраставшей эффективности контрбатарейной борьбы частей ЛФ и КБФ немцы постепенно перешли к тактике интенсивных огневых налетов, отказавшись от беспокоящего огня.

3. С середины июля до конца 1942 года, около 3400 снарядов. Произошло резкое снижение количества обстрелов, в это время обстрелу подвергались главным образом только окраинные Кировский и Московский районы. Основной причиной уменьшения числа обстрелов и количества выпущенных снарядов в это время было накопление и экономия боеприпасов немцами в ходе подготовки к планировавшейся ими операции по сужению блокадного кольца вокруг Ленинграда, известной под названиями «Георг», «Фойерцаубэр» и «Нордлихт» [3]. Спад числа и интенсивности обстрелов Ленинграда во второй половине 1942 года многими ленинградцами интуитивно точно определялся как предвестник готовящегося вражеского наступления. Таким образом, даже временное отсутствие интенсивного воздействия вражеской артиллерии по центральной части города воспринималось не как облегчение, а как угроза еще больших бедствий.

4. С января по июнь 1943 года, более 11 200 снарядов. Рост числа и силы обстрелов.

5. Короткое затишье в июне и резкий рост в июле-сентябре, более 12 400 снарядов. Сильные многочасовые обстрелы огневыми налетами и беспокоящим огнем, на этот период приходится самый мощный по количеству выпущенных снарядов обстрел Ленинграда за все время блокады, произведенный немцами 28 сентября.

6. Некоторый спад интенсивности обстрелов в октябре, рост в ноябре и затем постепенное снижение в декабре 1943 года и январе 1944 года, более 6700 снарядов.[1]

Важное отличие артиллерийских обстрелов от бомбардировок заключалось в том, что обстрелы всегда начинались внезапно, к первым залпам нельзя было никак подготовиться, в то время как о налете вражеских бомбардировщиков практически всегда заранее предупреждали сигналы воздушной тревоги. Наиболее опасными были массированные артиллерийские огневые налеты без предварительной пристрелки.

Артиллерийские обстрелы оказывали комплексное разрушительное воздействие на человека. При взрывах снарядов людей поражали взрывные газы, ударные волны, а также осколки как самих снарядов, так и разрушенные части конструкций зданий и сооружений (вторичные осколки). Люди погибали и получали ранения под завалами при обрушении частей зданий.

Для взрывных травм были характерны открытые повреждения бризантного типа с разрушением и отрывом фрагментов конечностей, вплоть до полного разрушения частей тела и его разрыва, множественные сочетанные черепно-мозговые травмы, баротравма, осколочные ранения, механические повреждения от соударений с препятствиями и падения тела, а также от обвалов и завалов. Характер ранений, полученных при взрыве артиллерийского снаряда, зависел от ряда условий. Существовали три дистанции поражения: очень близкая, когда на человека действовали взрывные газы, ударная волна и осколки; относительно близкая, в пределах которой действовали ударная волна и осколки; неблизкая, на

[1] Количество снарядов подсчитано по оперативным сводкам Штаба МПВО Ленинграда, в которых не учитывались снаряды, падавшие в расположениях воинских частей на окраинах города (дамбы Морского канала, Вологодско-Ямская слобода, часть Автово, Авиагородок и т. д.). В этих местах не было наблюдателей МПВО, поэтому общее количество снарядов, упавших в черте Ленинграда во время вражеских артиллерийских обстрелов во время блокады, существенно больше отмеченных в сводках МПВО.

которой действовали только осколки. Получить различные ранения от действия вторичных осколков можно было на любой дистанции [4].

Люди, оказавшиеся на очень близкой дистанции от разорвавшегося снаряда, практически не имели шансов остаться в живых. Их смерть была мгновенной, а тела сильно обезображивались, зачастую до состояния кровавого месива. Даже не разорвавшиеся снаряды были опасны для людей. Известны случаи, когда при попадании в жилые дома не сработавшие снаряды ранили и убивали ленинградцев [5].

Для людей, пострадавших от артиллерийских обстрелов, была характерна множественность полученных ранений. В 1942 году среднее количество ранений, полученных при артиллерийских обстрелах и бомбардировках Ленинграда на одного раненого, составляло 2,3. В этот период большинство ленинградцев получили ранения при вражеских обстрелах. Полостные ранения составляли 16% всех повреждений, переломы костей — 31%, ранения черепа — 13%, челюстно-лицевые — 13%, повреждения мягких тканей — 27% [6].

При взрывах снарядов на пострадавших мощное воздействие оказывали сильные вспышки и звуковые удары. Совместно с полученной баротравмой они приводили к возникновению психоэмоционального шока. Неожиданный взрыв, сопровождаемый яркой вспышкой и оглушительным грохотом, мог тяжело поразить человека, оказавшегося в зоне обстрела, даже без нанесения ранений осколками и ударной волной [7]. Разрушительным последствием вражеских артиллерийских обстрелов также было появление неврологических расстройств у некоторых ленинградцев с наиболее чувствительной или расшатанной нервной системой, главным образом у детей и подростков [8].

Полностью безопасных мест в городе при артиллерийских обстрелах было очень мало — это были подвалы мощных зданий и укрепленные бункеры. Во всех остальных местах, в любом районе города горожанам и военнослужащим при артобстреле угрожала опасность ранения или смерти. Сам факт наличия у стен Ленинграда сильной вражеской группировки, имевшей на вооружении дальнобойную крупнокалиберную артиллерию, являлся для ленинградцев источником постоянного психологического напряжения.

За все время блокады при артиллерийских обстрелах в городской черте Ленинграда погибли и получили ранения более 20 тысяч ленинградцев и

защитников города (более 4240 убитых, более 16 245 раненых), при этом психическое напряжение от обстрелов и угрозы обстрелов испытывали все без исключения люди, находившиеся в городе.[2]

Это непрекращающееся ощущение смертельной опасности привело к возникновению у многих горожан специфической разновидности гипертонии, названной в медицинской литературе «ленинградской». В результате работы специальной группы медицинских работников в Ленинграде был выявлен высокий уровень заболеваемости гипертонией у горожан, причем в разных районах города он был различным. Наиболее высокий уровень заболеваемости гипертонией был выявлен в самых близких к фронту и подвергавшихся наиболее интенсивным артиллерийским обстрелам Кировском и Московском районах [9]. В 1943 году один известный ленинградский врач рассказывал О.Ф. Берггольц, что весной этого года в городе была зарегистрирована особого рода гипертония, появлявшаяся от непрерывного нервного напряжения. Эта болезнь имела довольно большой процент смертности. По отношению к заболеваниям сердечно-сосудистой системы в 1940 году гипертония не превышала 9%, зато в 1943 году этот процент достиг уже 61,8% [10]. По всей видимости, начало роста заболеваемости гипертонией относится к концу 1941 — началу 1942 года, то есть к самому тяжелому периоду блокады Ленинграда.

Начавшиеся вражеские артиллерийские обстрелы стали одним из факторов, вынудивших население покинуть наиболее опасные районы Ленинграда в первые дни блокады города. 16 сентября 1941 года в связи с приближением линии фронта и артобстрелами было принято Постановление Военного Совета ЛФ о переселении лечебных учреждений и женщин с детьми из части Кировского района до виадука, Московского района до виадука у завода «Электросила» и Володарского района до

[2] Количество пострадавших подсчитано по оперативным сводкам Штаба МПВО Ленинграда и некоторым документам воинских частей и подразделений, дислоцировавшихся в черте города. Это неокончательные цифры, так как до сих пор неизвестно точное количество пострадавших при артиллерийском обстреле, взрывах в эшелонах с боеприпасами и пожарах на станции Ржевка 29 марта 1942 года, а также еще не обработан существенный массив документов воинских частей, находившихся в черте Ленинграда в период блокады города. Соотношение убитых и раненых верно на период составления сводок и донесений МПВО и воинских частей, при этом следует учитывать, что часть тяжело раненых при артиллерийских обстрелах умирала через некоторое время после поступления в лечебные учреждения, что крайне редко находило отражение в документах МПВО и воинских частей.

Куракиной дороги. В обязательном порядке в двухдневный срок на новые места жительства должна была отправиться 51 тысяча человек [11].

На протяжении всей блокады переселяться в другие жилые помещения вынуждены были и те ленинградцы, чьи квартиры или дома разбивались или сгорали при артиллерийских обстрелах, а это происходило по всей территории города. Во время обстрелов ленинградских предприятий на них прекращалась работа (за исключением участков с непрерывным циклом производства), и люди укрывались в убежищах, хотя в некоторых случаях рабочие пренебрегали опасностью и продолжали трудиться на своих местах, что увеличивало количество жертв [12].

С 30 октября 1941 года, при интенсивных обстрелах, для уменьшения потерь среди населения службами МПВО и сотрудниками милиции стало останавливаться движение транспорта и людей в обстреливавшихся районах Ленинграда. Иногда остановки движения длились часами, что увеличивало негативные последствия от артиллерийских обстрелов, поскольку это нарушало обычный распорядок жизни людей, создавало перебои в работе транспорта, предприятий и т. д. С ноября 1941 года значительная часть ленинградцев перестала соблюдать требования о прекращении передвижений во время обстрелов, а постовые милиционеры во многих случаях не обращали на это внимания, так как такое поведение горожан получило массовое распространение.

Мучимые голодом ленинградцы постепенно переставали обращать особое внимание на артиллерийские обстрелы, многие начинали искать укрытие только тогда, когда снаряды начинали рваться в опасной близости. Открытое хождение во время обстрелов приводило к дополнительным жертвам. Такое поведение горожан сохранилось и после улучшения продовольственного снабжения в 1942 году и в следующем, 1943 году. Ленинградцы привыкли к обстрелам, однако попадание непосредственно в зону обстрела потрясало всех без исключения. Здесь необходимо отметить, что бойцы системы МПВО Ленинграда разведывали очаги поражения, боролись с пожарами, оказывали помощь раненым и ликвидировали аварии на важнейших городских объектах, не дожидаясь окончания артиллерийских обстрелов, по долгу службы и совести подвергая свою жизнь смертельному риску.

Существенное усиление обстрелов в середине лета — начале осени 1943 года и рост количества пострадавших вынудили городские власти принять меры по наведению порядка при вражеских обстрелах

Ленинграда. 11 сентября 1943 года исполком Ленинградского горсовета и бюро горкома ВКП (б) приняли постановление «О мероприятиях по уменьшению потерь среди населения при артиллерийских обстрелах города». Милиционерам предписывалось строго следить за тем, чтобы прохожие немедленно укрывались в ближайших защищенных местах после начала обстрела района и находились там вплоть до его окончания. Было решено перенести или ликвидировать 66 остановок двенадцати трамвайных маршрутов. Принимались меры для недопущения массового скопления людей в местах, не оборудованных укрытиями от артобстрелов. Согласно этому постановлению, на угловые здания главнейших магистралей районов были нанесены предупредительные надписи, обозначающие наиболее опасные стороны при артиллерийском обстреле. Однако, несмотря на принятые меры, до января 1944 года включительно при вражеских обстрелах произошло несколько попаданий снарядов по местам скоплений людей, что привело к большим потерям [13].

Отстраненные размышления на тему обстрелов Ленинграда во время блокады ни в коей мере не способны представить исчерпывающую картину того, что довелось пережить горожанам и защитникам города. Наилучшее представление о воздействии обстрелов, о том, что это было в восприятии конкретных людей, дают дневники очевидцев, побывавших под обстрелом или в зоне обстрела сразу после его окончания. Одни из наиболее впечатляющих описаний артиллерийского обстрела города содержатся в дневниковых записях писательницы Веры Михайловны Инбер, ленинградской девочки Жени Козловой и заместителя начальника Управления пожарной охраны Ленинграда Сергея Гордеевича Голубева, описывающих обстрел Петроградской стороны 21 декабря 1941 года и его последствия. Вера Инбер и Женя Козлова находились непосредственно под обстрелом, а Сергей Голубев прибыл в зону поражения сразу после его окончания и руководил тушением возникшего здесь сильного пожара [14].

В заключение необходимо сказать, что самым явным и жизнеутверждающим следствием полного снятия блокады Ленинграда, с радостью отмеченным всеми ленинградцами, стало прекращение варварских, смертоносных обстрелов города и окончательная ликвидация их угрозы.

ССЫЛКИ

1. NARA. T. 311. R. 53. Fr. 7066113; ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 7. Л. 22, 23; ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 103. Л. 35.

2. NARA. T. 312. R. 930. Fr. 9115044; T. 312. R. 935. Fr. 9121248; ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 89. Л. 73–75.

3. NARA. T. 312. R. 1697. Fr. 000840.

4. Судебная медицина: учебник / под ред. Ю.И. Пиголкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. С. 200, 202.

5. ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 4. Л. 15; ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 69. Л. 226.

6. Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб.: Лики России, 1995. С. 394, 396.

7. Военная травматология и ортопедия: учебник / под ред. проф. В.М. Шаповалова. СПб.: ВМедА, 2013. С. 246

8. Медики и блокада: взгляд сквозь годы: воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы / Международ. ассоц. блокадников города-героя Ленинграда; сост. Т.М. Голубева, Н.Б. Ветошникова. СПб.: Междунар. ассоц. блокадников города-героя Ленинграда, 1997. (Блокада рассекреченная; Кн. 2). С. 164, 165.

9. Там же. С. 28.

10. ЦГАНТД СПб. Ф. 357. Оп. 2–1. Д. 252. Л. 1; Берггольц О.Ф. Говорит Ленинград / О.Ф. Берггольц. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1946. С. 80.

11. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 63. Л. 3, 4.

12. Непокоренный Ленинград: крат. очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А.Р. Дзенискевич [и др.]; отв. ред. В.М. Ковальчук. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. С. 390, 391.

13. ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 89. Л. 22, 23; ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 70. Л. 17; ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 69. Л. 134, 268, 281; Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), секретариатов горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний /

отв. сост. К.А. Болдовский. Часть III. Январь 1943 г. — январь 1944 г.: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. С. 724–726.

14. Инбер В.М. Почти три года. Ленинградский дневник / В.М. Инбер. М.: Изд-во «Советская Россия», 1968. С. 43, 44; Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С.В. Яров. М.: Молодая гвардия, 2018. С. 141–143; «Забвению не подлежит»: сборник / сост. А.П. Изам, Т.В. Пыженкова, Я.В. Прокопчик. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 51, 52.

Список литературы

1. Судебная медицина: учебник / под ред. Ю.И. Пиголкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 496 с.

2. Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб.: Лики России, 1995. 640 с.

3. Военная травматология и ортопедия: учебник / под ред. проф. В.М. Шаповалова. СПб.: ВмедА, 2013. 547 с.

4. Медики и блокада: взгляд сквозь годы: воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы / Международ. ассоц. блокадников города-героя Ленинграда; сост. Т.М. Голубева, Н.Б. Ветошникова. СПб.: Междунар. ассоц. блокадников города- героя Ленинграда, 1997. (Блокада рассекреченная; Кн. 2). 271 с.

5. Берггольц О.Ф. Говорит Ленинград / О.Ф. Берггольц. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1946. 188 с.

6. Непокоренный Ленинград: краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А.Р. Дзенискевич [и др.]; отв. ред. В.М. Ковальчук. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. 502 с.

7. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), секретариатов горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. К.А. Болдовский. Часть III. Январь 1943 г. — январь 1944 г.: в 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. 1760 с.

8. Инбер В.М. Почти три года. Ленинградский дневник / В.М. Инбер. М.: Советская Россия, 1968. 298 с.

9. Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С.В. Яров. М.: Молодая гвардия, 2018. 313 с.

10. Забвению не подлежит: сборник / сост. А.П. Изам, Т.В. Пыженкова, Я.В. Прокопчик. СПб.: Нестор-История, 2015. 208 с.

ЛОМАГИН Н.А.
Доктор исторических наук,
профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге,
начальник отдела «Института истории обороны и блокады Ленинграда»
Государственного мемориального музея
обороны и блокады Ленинграда

БЛОКАДНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ДНЕВНИКЕ АЛЕКСЕЯ ФЕДОРОВИЧА ФОГТА[3]

В дневнике представлена история одной семьи, в которой отразилась жизнь и борьба ленинградцев в период блокады. Алексей Фогт родился в Петербурге, этнический немец. Его жена — Панова Людмила Васильевна (1917–2019). В период войны она тоже находилась в Ленинграде, а с лета 1942 года была на военной службе и являлась одним из главных персонажей дневника своего мужа. Алексей Фогт указал адрес, по которому они с женой занимали комнату: улица Марата, д. 30, кв. 16. Мать Алексея Фогта — Нина Эрнестовна Фогт (Вехтерштейн) (1887—1970) — известный художник, иллюстратор, гравер — тоже была блокадницей. В Ленинграде вместе с двумя сестрами она проживала на улице Петра Лаврова (ныне Фурштатская улица), в доме 12, кв. 11. Сестры Нины Эрнестовны умерли весной 1942 года: Ольга Спальберг — в конце марта, а Эмилия Вехтерштейн[4] — 20 мая.

Алексей Фогт до войны был военным инженером, мостовиком. Образование получил в Ленинградском архитектурно-строительном техникуме. Работал в военной проектной организации № 407. 7 августа

[3] «Цензурой допущено к единичному тиражу»: Дневник Алексея Фогта. Декабрь 1941 г. — февраль 1943 г. сост. Н.А. Ломагин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. 300 с.

[4] В домовой книге — Вахтерштейн.

1941 г. был призван в армию и начал службу младшим лейтенантом. Войну Алексей Фогт закончил в звании капитана, воентехника 2-го ранга.

Повседневная жизнь любого человека состоит из трех базовых элементов: трудовой деятельности (в случае военных — службы), деятельности по организации своего быта и досуга. В дневнике Фогта все это есть — служба, организация быта (прежде всего, продовольственное обеспечение военнослужащих, доступность лекарств и медицинской помощи), а также использование свободного от службы времени.

Особенность дневника не только в том, что его вел молодой образованный человек, прекрасно знавший свой город. Подробные записи об изменениях облика Ленинграда в самый сложный период блокады — с декабря 1941 г. до ее прорыва в январе 1943 г. — делал профессиональный военный инженер-строитель, отражая последствия бомбежек, обстрелов, пожаров. В дневнике представлены некоторые сведения и о разборе домов, а также о строительстве оборонительных сооружений. Подобных источников личного происхождения практически нет[5]. Общими фоновыми явлениями, кроме страшного голода, проходящими через весь дневник, были артобстрелы, которых не только население, но и военные серьезно опасались, а также холод.

Дневник уникален как по объему, так и по представленному в нем спектру разнообразной информации: о службе в армии ПВО, которая защищала Ленинград от воздушных налетов противника; об участии в создании внутренней обороны Кировского района Ленинграда; о городе, его облике в течение полутора лет войны; о пригородах, куда несколько раз по делам службы он выезжал; о блокадной повседневности в целом и особенностях жизни младших офицеров в частности (ежедневном рационе, черном рынке, работе транспорта, способах коммуникации с близкими); и, наконец, о личной жизни, прежде всего, отношениях с женой и матерью. Один из очевидных вопросов при чтении дневника связан с двумя подчас конкурирующими целями Алексея: быть хорошим (или даже образцовым)

[5] В распоряжении историков есть, например, лишь отдельные записи инженера-связиста штаба Ленинградского фронта В.И. Житомирского. Житомирский В.И. «В Москве считают, что ленинградцы получают санаторный паек». В кн.: «Сохрани мои письма...» // Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 6 / составители: И.А. Альтман, Р.Е. Жигун, Л.А. Тёрушкин; под ред. и с предисловием И.А. Альтмана. — М.: Центр «Холокост», 2021. — С.119–128.

офицером и защитником города, с одной стороны, и сохранять постоянный контакт с женой — с другой.

Сведения, содержащиеся в дневнике, проливают свет на целый ряд важных вопросов, которые во многом остаются нераскрытыми, в том числе: как жили военные, находившиеся на котловом довольствии и имевшие семьи? Каким был их рацион в период блокады? Была ли у них возможность помогать близким? Если да, то как часто и в каком объеме это происходило? Как в целом они воспринимали блокадную повседневность за пределами части? Каким образом строились отношения военных с гражданскими, например, при пользовании трамваем, баней, при посещении иных общественных мест? Как осуществлялась бытовая коммуникация в условиях города-фронта, где существовала иерархия потребления, при которой паек военных, особенно тех, кто получал так называемую первую линию, был существенно больше норм, положенных по рабочей карточке, не говоря уже о других? Наконец, соблюдались ли требования воинской дисциплины, категорически запрещавшие самовольные выходы военных в город, а также участие в обменных операциях на черном рынке?

Собственно, о службе и сути выполняемой им работы Фогт говорит мало, но много внимания уделяет перемещениям по городу: редко он ездил на газомоторной машине, большей частью ходил пешком, в более или менее теплое время года — на купленном им велосипеде, а с весны 1942 г. — на трамвае. О боевой работе части есть всего несколько записей. Например, 6 октября 1942 г. Фогт рассказывает о службе, которую нес пост противовоздушной обороны: «Рядом с комнатой отдыха маленькое помещение с радиоприемником, где непрерывно сидит маленький человек и принимает сообщения об авиации противника. Каждое движение стервятников фиксируется специальными установками и передается прямо на рации наших зенитных частей. Мы следим за всеми движениями авиации и в нужный момент открываем смертоносный огонь». Основные обязанности А. Фогта сводились, прежде всего, к определению последствий налетов и обстрелов противника, проведению расследований, обустройству защитных сооружений и укреплений. Алексей Фогт был отличным специалистом в своей области и не только. По сути, он являлся мастером на все руки и кроме широкого спектра работ инженерно-строительного профиля умел печатать на машинке, готовил отчеты и различные документы по поручению командира полка, участвовал в оформлении выставок, выступал в армейской самодеятельности. Он был ценнейшим работником и вполне заслуженно

пользовался поддержкой товарищей по части, включая командира. Не случайно Фогт весьма преуспел по службе.

Наиболее подробные записи, которые Фогт делал ежедневно, касались вопросов питания — количества и качества получаемых продуктов, удовлетворенности рационом, возможностью что-то экономить для поддержки жены и иногда матери. В дневнике представлены детальные сведения о работе дежурных офицеров по организации котлового довольствия в части, начиная от получения продуктов на складе и закладки их в емкости для приготовления пищи, вплоть до раздачи рациона. Записи в дневнике свидетельствуют о том, что даже военнослужащие, которые снабжались по 1-й норме, испытывали голод в течение первой блокадной зимы. Ситуация немного начала меняться к лучшему летом 1942 года, хотя ожидания, связанные со снабжением продовольствием грядущей зимой, были у автора письма весьма пессимистические, несмотря на то что в августе и сентябре 1942 г. на Ленфронт стала поступать американская тушенка.

В первой части дневника содержатся интересные подробности об эвакуации из города семей военных. Военнослужащие могли ходатайствовать о вывозе своих родственников, но и у них были проблемы с транспортом, и прежде всего бензином, который, однако, можно было выменять у тех же военных на папиросы. В дневнике названа и «цена» эвакуации одного человека на машине через Ладогу — десять пачек «Беломора».

Одна из главных интриг в жизни Алексея и Людмилы в первую блокадную зиму состояла в намерении Алексея эвакуировать жену и последующем решении остаться в городе вместе. Несмотря на то, что молодые люди использовали любую возможность для общения и не хотели расставаться, с середины декабря 1941 г. основной целью Алексея стало стремление спасти жену, вывезя ее из осажденного города. Алексей колебался, до нового года склонялся к тому, что жене все же лучше остаться в Ленинграде, однако 23 февраля 1942 года решил, что дальше медлить нельзя. К этому времени он уже получил в своей части подъемные для эвакуации жены, которые впоследствии пришлось возвращать, а также решил вопрос с бензином. Опасаясь, что из-за занятости по службе он не сможет сообщить о времени отправления машины, отправил Людмиле телеграмму (в то время она жила на Васильевском острове), чтобы своевременно подготовиться к отъезду. Однако в конце концов «пришли к следующему решению: «...До конца быть героями Ленинграда и

преодолеть все предстоящие трудности». Решение не расставаться и оставить Людмилу в городе было непростым. Решающим, вероятно, было то, что у обоих существенно улучшилось положение с продовольствием: Алексей был переведен на 1-ю категорию снабжения, а Людмиле удалось вернуться в состав доноров и получить соответствующий паек. Успехи Красной армии в ходе контрнаступления под Москвой также добавили оптимизма. Кроме того, переезд к подруге дал Людмиле возможность больше внимания уделять себе. Про еще один фактор, связанный с эвакуацией, Алексей Фогт говорит в связи с ситуацией у друзей, к которым переехала его жена. «Они тоже не хотят уезжать, так как полагают, что будет трудно вернуться» (запись 11 марта 1942 года). Наконец, немалое значение имело желание сохранить жилую площадь.

Любовь Алексея к жене в условиях войны и чрезвычайных ограничений, вызванных не только требованиями служебной дисциплины, но и истощением, занимают чуть ли не главное место в дневнике. Откровенный рассказ о голоде, о своем физическом состоянии, о желании близости, встречах с Людмилой и связанных с ними переживаниях — все это значимо не только в контексте семейной истории и отношений супругов, которые вместе смогли все преодолеть, но и для общего представления о роли любви (в том числе плотской) как фактора личной мобилизации. Пожалуй, это первый мужской дневник, в котором автор весьма откровенно об этом говорит.

В июле 1942 г. Алексей пишет, что «моя Милушка может служить примером одной из ленинградских героинь. Помню, как она, бедняжка, будучи на Васильевском острове, таскала на 6-й этаж бесконечные ведра с водою и прочие хозяйственные вещи. А путь за водой на Неву, а очередь в мороз за хлебом. Сколько раз я был у Милашки, и всегда она радостная и не унывающая. Молодец. Героиня в буквальном смысле слова».

Из дневника мы узнаем, что Людмила помогала мужу поддерживать испытывавшую постоянный голод его мать. Она выжила во многом благодаря помощи своей невестки — донора, которая делилась с ней своим дополнительным пайком, а также «передачам» хлеба, сахара и других сэкономленных продуктов, которые делал Алексей, выкраивая их из своего пайка, а также благодаря спорадическим «добавкам» каши или супа из офицерской столовой. Огромную роль в том, что его мать выжила, сыграли и ее коллеги. 19 апреля 1942 г. Алексей пишет о том, что у матери украли карточки, но ее выручил союз художников, «который дал московские посылки с концентратами каш и шоколадом».

КОВАЛЕВ Б.Н.
Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
«Института истории обороны и блокады Ленинграда»
Государственного мемориального музея
обороны и блокады Ленинграда,
ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

ЗНАЧИТ, НУЖНЫЕ КНИГИ ТЫ В ДЕТСТВЕ ЧИТАЛ… (ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В БЛОКАДНЫХ ДНЕВНИКАХ)

Систематическое чтение различных произведений художественной литературы способствует воспитанию гражданина, особенно это касается подрастающего поколения. Советская молодежь 30-х годов XX столетия читала разные книги. Они могли быть рекомендованы школьными учителями, родителями или друзьями. Следовательно, кроме пропагандистской литературы можно говорить о классике и беллетристике. И здесь, если отталкиваться от творчества Павла Когана, написавшего свои стихи в конце 30-х годов и погибшего на фронте в 1942 году, мы видим симбиоз между «флибустьерским дальним синим морем» и «мальчиками иных веков, плачущих о времени большевиков». Но в его обещании «дойти до Ганга, Японии и Англии» всё-таки больше от Киплинга и Стивенсона, чем Краткого курса истории ВКП(б).

Записи жителей блокадного Ленинграда — до сих пор пополняемый исторический источник. Дневник Семена Залмановича Левитана (1925–2002) — это 10 тетрадей с практически регулярными записями. Они находятся в архиве научно-просветительского центра «Холокост» (коллекция документов «Евреи — участники Великой Отечественной войны». Ф. 9. Оп. 1. Д. 324).

Сам дневник был начат в сентябре 1939 года. Последние записи заканчиваются в январе 1943-го, перед его призывом в Красную армию. Это был почти хрестоматийный советский подросток. Очень много читал (как художественную, так и публицистическую литературу). Конечно, он искренне верил в советскую власть и руководителей СССР.

Вот что записал Левитан 22 июня 1941 года: «Много дачников — хорошая погода. В два передавали по радио речь Молотова. Он сказал, что Германия объявила нам войну и в четыре часа ночи перешла границу во многих местах, и бомбардировала Киев, Житомир, Ковно, Севастополь и др. 200 раненых. Читал роман Гюстава Флобера "Госпожа Бовари"».

«29 июня 1941 г. Начал читать "О полках Богунском и Таращанском" Дмитрия Петровского». Из аннотации: «Книга рассказывает о возникновении легендарных полков Красной Армии — Богунского и Таращанского, о походах этих полков до взятия ими Киева. Бессмертны подвиги партизан и добровольцев. На страницах книги оживают в памяти образы народных героев — Николая Щорса и батька Боженко».

«1 июля 1941 г. Кончил "О полках...". Очень понравилось. Щорс и Боженко хорошо нарисованы. Особенно интересна сцена, когда цыган Лихо играет на скрипке для Щ. и Б. Начал 2-ю часть "50 лет в строю" Игнатьева».

Книга бывшего графа А.А. Игнатьева. Русский и советский военный деятель. После революции перешёл на советскую службу, опубликовал свои мемуары.

«19 июля 1941 г. На фронтах плохо. Ноют все. Прочёл "Крепче камня"». Роман 1939 г. Бориса Соловьева о гражданской войне на Урале.

До начала блокады Ленинграда оставался всего один месяц. «7 августа 1941 г. Читал "Два капитана"». Приключенческий роман Вениамина Каверина. Первый том вышел в 1940 г.

Надежды на живых героев всё меньше. Вспоминаются герои павшие. «17 августа 1941 г. Читал "Чкалова" Боброва. Очень хорошо».

Книга Николая Боброва 1934 г. о известном советском летчике, Герое Советского Союза Валерии Чкалове (погиб в 1938 г.).

«18 августа 1941 г. Читал. Прочёл "Бои в Финляндии", кончил "Чкалова". Как жалко, что нет его. Сколько бы он сбил фашистов!»

Это, конечно, случайность, что общая тетрадь закончилась тогда, когда немцы замкнули кольцо блокады.

«Дежурил с 5 до 7 октября. Вечером была большая тревога. Били зенитки. Спим, не раздеваясь. Прочёл я много книг. Сейчас читаю "Воскресенье" Толстого».

«9 октября 1941 г. К именинам мне мама подарила книгу. Купил я "Пугачёв" Шишкова за 12 рублей. 14 октября 1941 г. Кончил "Пугачёва". Интересно. 5—6 ноября 1941 г. Прочёл "Игрок" Достоевского».

Тогда они смогли выжить. И своего рода заключением о событиях 1941 г. может служить комментарий Семена Левитана, сделанный через несколько дней после Победы, 12 мая 1945 г.: «Прошло несколько лет. Читаю и в ужас прихожу. Что жизнь может сделать с человеком! Чем я тогда от зверя отличался. Даже самому не верится, что это было». В немалой степени выстоять ему помогли книги, которые он читал.

ГЛЕЗЕРОВ С.Е.
Кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела
«Института истории обороны и блокады Ленинграда»
Государственного мемориального музея
обороны и блокады Ленинграда

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ БЛОКАДЫ (ОСЕНЬ 1941 ГОДА) НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА»

Во время блокады, в условиях острого недостатка информации, в Ленинграде было фактически два основных массовых источника официальной информации, доступных горожанам: Ленинградское радио и газета «Ленинградская правда». Газета выходила шесть дней в неделю, со вторника по воскресенье, и не выходила по понедельникам, поскольку воскресенье в редакции был выходным днем.

«Ленинградская правда», без всякого преувеличения, служила голосом непокоренного Ленинграда. Она была орудием пропаганды и в то же время — контрпропаганды. И, несмотря на свою идеологизированность, давала очень широкий набор тем.

Если рассматривать первые блокадные месяцы, самые трудные с точки зрения именно защиты Ленинграда от вторжения врага, то все газетные полосы были заполнены информацией о том, как защищают город бойцы Красной армии и народного ополчения, как бьют врага «сталинские соколы», а также о том, как город превращается в крепость, как к обороне готовят каждую улицу.

Основные темы «Ленинградской правды» осенью 1941 года: помощь фронту, подготовка города к обороне, подготовка домохозяйств к

отражению налетов авиации, единство жителей и бойцов Красной армии в обороне родного города, героическая работа у станка и на оборонной стройке, сбор горожанами теплых вещей для военнослужащих. Один из главных лозунгов — «Крепить в городе революционный порядок и дисциплину!».

Общее настроение: враг коварен, силен, но Красная армия своей активной обороной наносит ему огромный урон. В заголовках и подзаголовках публикаций чаще всего звучали следующие формулировки: «Успешные контратаки», «Стойкое сопротивление», «Упорные бои», «Уничтожаем ненавистных оккупантов».

Из информации на страницах «Ленинградской правды» было достаточно трудно понять, что действительно происходит на фронтах страны, особенно под Ленинградом. Понятны были только направления, по которым можно было понять, где в настоящее время останавливает врага Красная армия. Осенью 1941 г. фигурировали в том числе «Можайское шоссе», «Малоярославецкое направление», «под Тулой».

Повседневность в изображении газеты «Ленинградская правда» была исключительно прифронтовой, военной, боевой: иначе просто и быть не могло. Повседневная жизнь города, не связанная с военными действиями, на страницах газеты почти не отражена, но все же она есть. В частности, отзвуком мирного времени служил постоянный анонс на 4-й полосе: «Сегодня в театрах» и «Сегодня в кино».

Например, 28 сентября 1941 г. указывалось, что в кинотеатрах показывают следующие кинофильмы: «В тылу врага», «Парень из тайги», «Богдан Хмельницкий», «Иудушка Головлев», «Девушка с характером», «Праздник святого Йоргена», «Фронтовые подруги», «Моя любовь», «Антон Иванович сердится», «Девушка с Камчатки», «Вратарь», «Частная жизнь Петра Виноградова», «Петербургская ночь» и другие [1].

В данной публикации мы акцентируем внимание на том, как соседствовали на страницах «Ленинградской правды» различные формы блокадной повседневности. Одна — героическая, фронтовая, боевая, повседневность города-фронта, города-крепости. Другая служила отзвуком мирного времени и напоминала о том, что, несмотря на все тяготы военного времени, жизнь продолжается.

2 сентября 1941 г. номер «Ленинградской правды» открывала передовая статья «Защитим Ленинград», в которой говорилось: «Враг у ворот

Ленинграда! Грозная опасность нависла над городом». Однако в том же выпуске сообщалось, что начались занятия во многих вузах.

3 сентября 1941 г. в передовой статье «За строжайший революционный порядок и общественную безопасность» отмечалось: «...Враг кое-где пытается сорвать оборонительные работы, вызвать панику, деморализовать строителей. Отдельные малоустойчивые элементы при первой опасности покидают строительный рубеж, срывают работы и этим помогают врагу. <...> Находятся еще и такие люди, которые под тем или иным предлогом пытаются увильнуть от общественных работ».

Вместе с тем газета сообщала, что не прерывается работа в Публичной библиотеке. Она «по-прежнему поддерживает тесные связи с десятками крупнейших научных учреждений и библиотек во всех частях света. <...> Из Соединенных Штатов Америки прибыла партия ценных книг, из Японии — серия туристских изданий. Получены последние номера американских и английских журналов по воздухоплаванию, судостроению, медицине, архитектуре» [2].

Очень оптимистично выглядело в том же номере от 3 сентября 1941 г. сообщение ТАСС о том, что «с каждым днем увеличивается поступление картофеля и овощей в торговую сеть и на колхозные рынки» [3].

12 сентября 1941 г. газета сообщала о том, что сберкассы Ленинграда начали выплату выигрышей по второму тиражу Займа 3-й пятилетки. «За два дня, по неполным сведениям, ленинградцам выплачено больше 6 тысяч выигрышей на общую сумму около 800 тысяч рублей» [4].

13 сентября 1941 г. в «Ленинградской правде» было опубликовано решение исполкома Ленгорсовета от 11 сентября «Об экономии электроэнергии». В нем указывалось: «Ввести с 11 сентября 1941 года лимитирование потребления электроэнергии для производственных и бытовых нужд. <...> Воспретить всем потребителям электроэнергии пользование отопительными и бытовыми электроприборами, даже в пределах установленного лимита».

17 сентября 1941 г. газета вышла с призывом: «В час грозной опасности, нависшей над городом Ленина, ни один советский патриот не может остаться в стороне от великой борьбы. Каждый, способный держать оружие, должен встать на защиту родного города. Все на защиту Ленинграда! Все на разгром врага!».

В передовой статье «Молодежь — на защиту Ленинграда!» говорилось: «Враг у ворот! Кровожадные фашистские орды в бешеной ярости рвутся к Ленинграду...». И в том же номере на 4-й полосе сообщалось: «В Гидрографическом институте в Ленинграде состоялся выпуск. По новому учебному плану занятия на пятом курсе происходили в июле и августе. Окончившим институт присвоено звание инженеров-гидрографов» [5].

19 сентября 1941 г. «Ленинградская правда» сообщала, что город готовится к уличным боям. Призыв на страницах газеты гласил: «Укрепить все подходы к Ленинграду! Каждую заставу, площадь, улицу и переулок превратить в бастионы и крепости, сделать неприступными для врага».

Между тем природа жила своей жизнью. В том же номере газеты от 19 сентября 1941 г. на стр. 4 появилась заметка «Большая магнитная буря», в которой приводилось сообщение ТАСС: «В результате большой магнитной бури, проходившей вчера вечером и сегодня ночью, была нарушена работа междугородней связи. Этим, в частности, была исключена возможность получения в Ленинграде вечернего сообщения Советского Информбюро за 18 сентября».

В беседе с корр. ТАСС известный советский магнитолог, профессор, доктор физико-математических наук Б.П. Вейнберг сообщил: «В Ленинграде большие магнитные бури, отражающиеся на радио- и телеграфной передаче, бывают сравнительно редко, но все же по нескольку раз в год. Сегодняшняя магнитная буря сопровождалась, кроме того, интенсивным северным сиянием, которое было хорошо заметно на ленинградском небе в продолжение всей ночи» [6, 7].

20 сентября 1941 г. передовая статья «Ленинградской правды» обличала дезертиров и трусов, призывала: «Выше революционную бдительность!». В том же выпуске сообщалось, что 2-й Ленинградский медицинский институт выпустил новый отряд молодых врачей. Институт окончили 516 человек, из них 51 — с отличием. «Часть выпускников вступила в ряды Красной армии, а все остальные откомандированы в распоряжение Горздравотдела для работы в больницах и поликлиниках Ленинграда. 184 врача-стоматолога выпустил Ленинградский стоматологический институт» [8].

26 сентября 1941 г. «Ленинградская правда» поместила памятку для населения «Как вести себя во время артиллерийского обстрела города». И это тоже было частью блокадной повседневности.

О том, что культурная жизнь города продолжалась, свидетельствует сообщение «Ленинградской правды» от 27 сентября 1941 г. о том, что исполком Ленгорсовета установил с 25 сентября время начала спектаклей и концертов в театрах: в рабочие дни — с 17 часов, в воскресные дни: утром с 11 ч. 30 мин. и вечером — с 16 часов.

28 сентября 1941 г. в передовой статье «Женщины на защите Ленинграда» говорилось о тех уловках, с помощью которых враг пытается внести смятение в настроения ленинградцев. И в том же выпуске газеты говорилось о новых работах театра имени Ленинского комсомола. Сообщалось о том, что накануне театр открыл сезон спектаклем «Сирано де Бержерак» в помещении Малого оперного театра, что коллектив работает над рядом новых спектаклей и в ближайшие дни покажет премьеру «Женитьба Белугина» по А.Н. Островскому. В репертуар театра также включена пьеса А. Первенцева о советских летчиках, героях Отечественной войны — «Крылатое племя». Кроме того, указывалось, что в октябре ленинградцы увидят антифашистскую пьесу Д. Слепян «Крушение» в постановке Б.С. Великанова [9].

Кстати, возвращаясь к теме природы, жившей своими законами: 21 сентября 1941 г. почти на всей территории СССР наблюдалось редкое небесное явление — полное затмение Солнца. Предыдущее можно было наблюдать 19 июня 1936 года, и к затмению 1941 года ученые готовились заранее и очень основательно. Несмотря на военные условия, советские научные институты и астрономические обсерватории отправили в полосу полного солнечного затмения специальные экспедиции. «Кровавым фашистским псам, напавшим на нашу родину, не удастся помешать советским ученым провести порученную им работу», — отмечалось в специально изданной брошюре С.М. Алферова и В.А. Бронштэна «Полное солнечное затмение 21 сентября 1941 г.», подписанной в печать 15 июля 1941 г. [10].

Информация о полном затмении Солнца появилась и на страницах «Ленинградской правды». В выпуске от 28 сентября 1941 г. было опубликовано сообщение о том, что в Ленинграде из Казахской ССР получена телеграмма от экспедиции Астрономического института Академии наук СССР, выехавшей для наблюдения солнечного затмения, и был приведен ее текст: «Наблюдения прошли удачно. В задачи экспедиции входило изучение солнечной короны. Получено пять фотографий солнечной короны и восемь — спектров ее лучей» [11].

30 сентября 1941 г. передовая статья газеты гласила: «Беспощадно уничтожать фашистских агентов». В ней сообщалось о том, что фашистские агенты распускают слухи в городе, дают сигналы ракетами во время налетов. И в том же выпуске (на стр. 4) приводилось сообщение ТАСС: «Новый корпус Светлановского рынка. На Светлановском колхозном рынке в Выборгском районе сдан в эксплуатацию вновь построенный большой каменный корпус. С вступлением в строй нового корпуса Светлановский рынок стал одним из лучших в Ленинграде» [12].

5 октября 1941 г. «Ленинградская правда» сообщала о том, что в Большом зале филармонии состоялся первый в этом сезоне большой концерт. Указывалось, что в дальнейшем они будут проводиться два раза в неделю.

15 октября 1941 г. в газете сообщалось о возобновлении занятий в Ленинградской консерватории. Зарегистрировались 132 студента — «будущие оркестранты, пианисты, дирижеры, вокалисты, оперные режиссеры и хормейстеры» [13].

17 октября 1941 г. «Ленинградская правда» сообщала, что Управление по делам искусств при исполкоме Ленгорсовета решило открыть в Ленинграде «Театр драмы». Ближайшие премьеры — «Дворянское гнездо», «Фельдмаршал Кутузов», «Коварство и любовь», «Старая Москва». Открытие театра намечается 25 октября в прежнем помещении театра «Комедия» [14].

19 октября 1941 г. газета выступила с «программной» передовой статьей «Будем беспощадны в борьбе с врагом!». В ней, в частности, говорилось: «Пытаясь захватить Ленинград, фашисты пускают против нас не только танки, самолеты, снаряды, они широко используют провокацию — это отравленное ядом лжи и лицемерия оружие. Творя чудовищные зверства, гитлеровцы засылают в наш город агентов-провокаторов со специальным заданием лгать населению, будто фашисты хорошо обходятся с советскими людьми, распространять всевозможные слухи, сеять пораженческие настроения» [15].

В этой и в других публикациях газета объясняла, что лишения и испытания в военных условиях неизбежны, и призывает быть готовым к еще более суровым лишениям и испытаниям.

«Война предъявляет ленинградцу свои неумолимые требования. Война неизбежно связана с испытаниями и лишениями. Требования войны должны быть непреложным законом жизни каждого человека. Ими и

только ими следует руководствоваться в грозные дни, какие переживает наша страна. Война с немецко-фашистскими бандами — жестокая, кровавая, беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть. К этой беспощадной борьбе должен быть готов каждый» [16].

21 октября 1941 г. в «Ленинградской правде» сообщалось, что исполком Ленгорсовета принял решение о начале отопительного сезона в Ленинграде 25 октября. «Исполком обязал руководителей предприятий, учреждений, организаций и домохозяйств строго соблюдать установленные лимиты расхода топлива», — говорилось в сообщении ТАСС.

На следующий день газета рассказывала о подготовке жилого фонда к зиме. Указывалось, что одно из первоочередных дел — «отепление» сети водопровода, канализации, центрального отопления в подвалах, на лестницах, а также в пустующих квартирах. Для производства этих работ райжилуправления получили около 200 тонн войлока и пакли. «Предприятиями Ленжилуправления и местной промышленности изготовлено уже более 500 тонн оконной замазки. Всего такой замазки будет выпущено свыше 1000 тонн, что полностью обеспечит потребность» [17].

26 октября 1941 г. «Ленинградская правда» сообщала о том, что с 3 ноября начинаются учебные занятия 7—10 классов в школах Ленинграда. «С учащимися 1—6 классов будет проводиться учебно-воспитательная работа вне школы, при домохозяйствах. Родители, актив домов и управдомы должны оказать содействие...».

30 октября 1941 г. газета сообщала, что ленинградские театры готовятся отметить новыми постановками 24-ю годовщину Октябрьской революции.

«Ярость бессилия» — так называлась публикация в «Ленинградской правде» 1 ноября 1941 г. В ней говорилось: «Немцы обстреливают Ленинград из орудий. То днем, то ночью, то рано утром слышны свист снарядов, звук разрывов. <...> Снаряды их рвутся на улицах, площадях, в садах и на бульварах. <...> Немцы ведут огонь вслепую. Они бьют по Ленинграду. По городу. Бьют наугад. Куда попало. Мы видим в этих действиях не только проявление чудовищной жестокости, не только акт звериной злобы. Мы видим в этом беспорядочном обстреле ярость бессилия» [18].

2 ноября 1941 г. газета сообщала о подготовке к празднованию 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции: «Живые цветы к празднику. Ленинградский трест зеленого строительства выпускает к празднику большую партию живых цветов. В продажу поступят 25 тысяч хризантем, 3 тысячи примул, большое количество декоративных растений — бегоний, пальм» [19].

4 ноября 1941 г. «Ленинградская правда» сообщала, что третья декада октября стала рекордной по притоку новых вкладов в сберегательные кассы Ленинграда. За десять дней ленинградцы внесли в сберкассы около миллиона рублей. В ряде касс займодержатели, получив крупные выигрыши по займу 1938 года, сразу внесли их на сберкнижку.

11 ноября 1941 г. в газете рассказывалось о том, что в середине ноября открывается театр оперы и балета им. Кирова. В репертуаре театра — «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Кармен», «Травиата», «Риголетто», «Демон», «Фауст», «Русалка».

К суровой блокадной повседневности возвращает публикация «Ленинградской правды» от 12 ноября 1941 г., посвященная заменителям стекла. В ней сообщалось, что коллективом научных работников Физико-агрономического института разработана высокостойкая целлюлозная прозрачная пленка, заменяющая стекло. Она может быть использована в тех домах, которые повреждены обстрелами и бомбежками.

Контрасты повседневной жизни города-фронта были настолько яркими, что уже тогда была предпринята не одна попытка осмыслить происходившее. В этом смысле особенно примечательна публикация, появившаяся в «Ленинградской правде» 7 ноября 1941 г.

В ней, в частности, говорилось: «Мы живем в осажденном городе. Враг от нас на расстоянии пушечного выстрела. <...> Осада сложила наш быт. Он прост и суров. Мы ложимся — готовые встать по звуку сирены. Работаем под грохот канонады. Девушки-вожатые ведут трамвайные поезда под артиллерийским обстрелом. Домохозяйки гасят зажигательные бомбы. Парикмахеры бреют во время бомбардировок. <...>

В урочный час по улицам проходят школяры. Они занимаются в бомбоубежищах. Ученики постарше начали учебный год в своих классах. Противогазы через плечо у учеников и учителей. Театры работают днем. На время воздушных налетов объявляется антракт. Отелло откладывает убийство Дездемоны, Яго занимает свой пост как дежурный пожарный. <...>

Поклянемся родной стране нашей <...> мы обещаем, что не опозорим чести Ленинграда, славы его не запятнаем слабостью.

Будет холодно — перетерпим!
Будет голодно — туже затянем ремни!
Будет трудно — выдержим!
Выдержим — победим!» [20].

Список литературы

1. Подробно о кинотеатрах в блокадном Ленинграде см.: Дунаевский А., Кокин В. Блокадный экран: Кинотеатры, зрители, фильмы / Алексей Дунаевский, Вячеслав Кокин. М., СПб.: Руграм / Пальмира, 2026.

2. В Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина // Ленинградская правда. 1941. 3 сент. С. 4.

3. Картофель и овощи для Ленинграда // Там же.

4. Началась выплата выигрышей // Ленинградская правда. 1941. 12 сент. С. 4.

5. Молодые инженеры-гидрографы // Там же. 17 сент. С. 4.

6. Большая магнитная буря // Там же. 19 сент. С. 4.

7. О Б.П. Вейнберге см.: Островская Г.В. Дорога жизни профессора Б.П. Вейнберга. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2010.

8. Новый отряд молодых врачей // Ленинградская правда. 1941. 20 сент. С. 4.

9. Новые работы театр имени Ленинского комсомола // Ленинградская правда. 1941. 28 сент. С. 4.

10. Алферов С.М., Бронштэн В.А. Полное солнечное затмение 21 сентября 1941 г. / С.М. Алферов, В.А. Бронштэн. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 4.

11. Результаты наблюдения солнечного затмения // Ленинградская правда. 1941. 28 сент. С. 4.

12. Новый корпус Светлановского рынка // Там же. 30 сент. С. 4.

13. Учебный год в консерватории // Там же. 15 окт. С. 4.

14. Новый театр в Ленинграде // Там же. 17 окт. С. 4.

15. Будем беспощадны в борьбе с врагом! // Там же. 19 окт. С. 1.

16. Там же.

17. Подготовка жилого фонда к зиме // Ленинградская правда. 1941. 22 окт. С. 4.

18. Езерский С. Ярость бессилия // Там же. 1 ноября. С. 3.

19. Живые цветы к празднику // Там же. 2 ноября. С. 4.

20. Езерский С. Так мы живем // Там же. 7 ноября. С. 3.

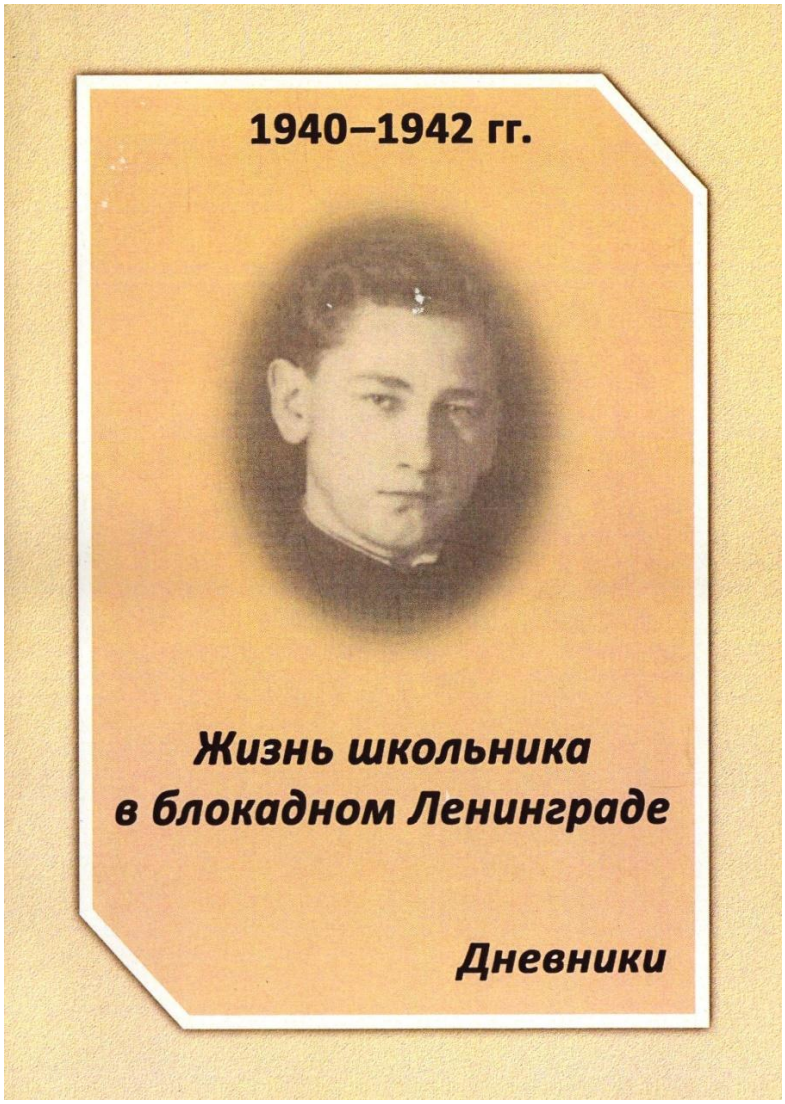

КОЛОТУШКИН В.Г.
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
отдела «Института истории обороны и блокады Ленинграда»
Государственного мемориального музея обороны
и блокады Ленинграда

«Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ЛЕНИНГРАД БЫЛ ВЗЯТ»: ДНЕВНИК АЛЕКСЕЯ МАТВЕЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Блокадные дневники 1941–1944 годов — это уникальные источники военного времени, неофициальная хроника обороны города, своеобразная лаборатория по запечатлению блокадной личности. На дневники, созданные в дни блокады Ленинграда, приходится самая высокая плотность дневниковых свидетельств на русском языке за всю отечественную историю этого жанра — известно более 500 блокадных дневников [1]. Исследователями отмечаются особенности блокадных дневников: авторы были заняты спасением себя, в первую очередь поиском еды, подробно описывали собственные самоощущения; в записи одного дня могла происходить стремительная смена регистров, предметов внимания и наблюдения; блокадники вели счет воздушным тревогам, фиксировали политинформацию; авторы дневников горестно пытались понять и запечатлеть, как разрушается хрупкая ткань семейных отношений.

Отдельная категория блокадных дневников — дневники детей и подростков. Символом подлинного свидетельства о блокаде стали дневники Тани Савичевой и Юрия Рябинкина (фрагменты последнего были опубликованы в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина).

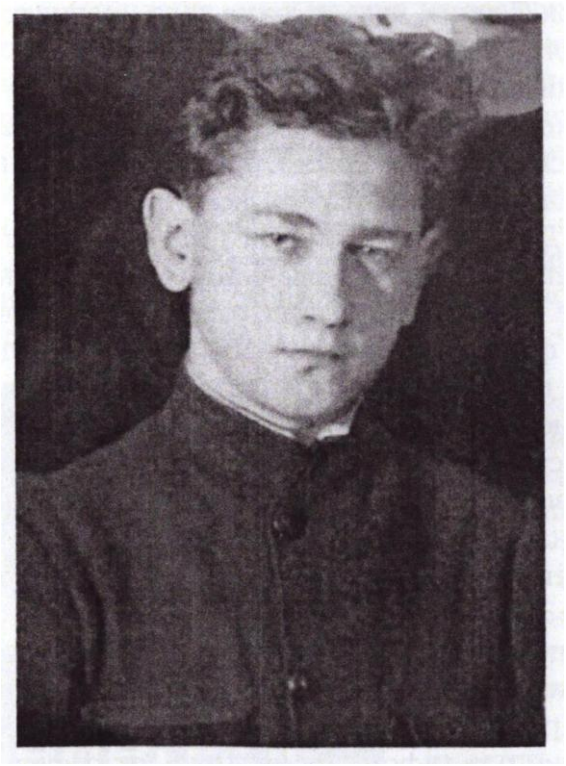
Обложка второго издания книги
«Жизнь школьника в блокадном Ленинграде.
Дневники 1940–1942 гг.» (2021)

В последние годы были изданы дневники Тани Вассоевич [2], Капы Вознесенской [3], Гали Зимницкой [4], Лены Мухиной [5], Игоря Никитина [6], Марины Роза (Каретниковой) [7] и др. Нередко блокадные тексты издаются в малотиражных изданиях или подготовленных самодеятельно. Примером такого издания является дневник Алексея Ивановича Матвеева, впервые напечатанный тиражом 100 экземпляров в 2019 году под названием «Жизнь школьника в блокадном Ленинграде. Дневники» (204 страницы) [8]. В 2021 году дневник был переиздан тиражом 120 экземпляров (172 страницы) [9]. Во второе издание, помимо текста дневника и изображений его страниц, были включены фотографии мероприятий, связанных с увековечением памяти Алексея Матвеева и популяризацией его истории среди учащихся средней школы № 91

Санкт-Петербурга. Помимо собственно дневника, в тетрадь были вложены письма, билеты в кинотеатр и театр, повестки из военкомата, школы, вырезки из газеты и др.

Следует отметить, что при публикации дневника он не подвергался научному редактированию, публикация произведена с опечатками, какие-то слова прочитаны неправильно, некоторые фрагменты опущены. Дневник, о чем свидетельствуют опубликованные изображения страниц, подвергался цензуре — некоторые фразы зачеркнуты и не могут быть прочитаны.

Дневник А.И. Матвеева был сохранен его отцом и перешел к сводной сестре Алексея, Ирине Ивановне Феофентовой (Матвеевой), вместе с семейным архивом.

Алексей Иванович Матвеев. 1940 год.
Жизнь школьника в блокадном Ленинграде. Дневники 1940–1942 гг.
Изд. 2-е, доп. / сост. И.И. Феофентова. Великий Новгород, 2021. С. 6.

В блокадном городе Алексей, учащийся 9-го класса, оставался с матерью Анной Константиновной (умерла 10 марта 1942 года) и сестрой отца Таисой. Отец, Иван Матвеевич Матвеев, во время войны служил в отряде речной милиции Ленинграда, в конце сентября 1941 года был ранен, в

период первой блокадной зимы находился на инвалидности и жил вместе с женой и сыном по адресу: Пионерская улица, дом 2, квартира 2. В 1946 году И.М. Матвеев переехал в Новгород. В Книге Памяти блокадного Ленинграда (Т. 19) указана дата смерти Алексея — март 1942 года.

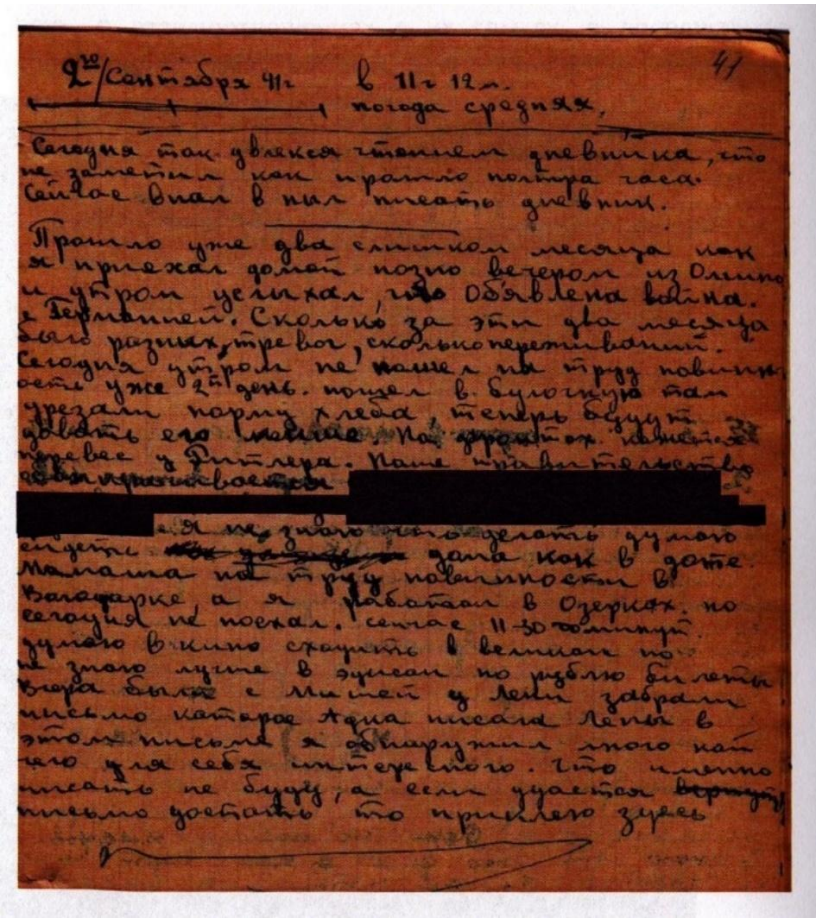
Алексей вел дневник со 2 декабря 1940 года по 22 февраля 1942 года, но в отдельные периоды прерывал записи. После записей за декабрь 1940 — январь 1941 года, апрель, июнь 1941 года, со 2 сентября 1941 года по 28 января 1942 года записи велись практически ежедневно. В начале войны Алексей не вел дневник. «Сколько за эти два месяца было разных тревог, сколько переживаний», — лаконично отметил он о периоде июня—августа 1941 года [10].

География дневника в основном охватывает адреса Петроградской стороны Ленинграда (ближайшие учреждения, упоминаемые автором: кинотеатры «Молния», «Великан», «Эдиссон», Дом Промкооперации, Театр имени Ленинского Комсомола, стеклянный театр Сада Госнардома, фотомагазин «Динамо»). Писал Алексей и о дальних поездках: 19 июня 1941 года он выезжал в Ольгино, где в общежитии жила тетя Таиса, 4 октября — в Ириновку, где после ранения лежал в госпитале отец. Во время блокады Алексей и его мать периодически ходили на площадь Урицкого — за карточками. Также Алексей ездил на Невский, ходил в ЖАКТ (11 октября: «Оделся в русаки папы, иду на улицу рапортовать вместо мамы в ЖАКТ»), в баню (так, 7 октября в очереди в баню он читал «Первую помощь в бою»: «Теперь всегда буду в очереди или где-нибудь читать. В кармане всегда будет книжка. <...> С сегодняшнего дня буду усиленно читать»).

Алексей увлекался танцами, фотографией, много читал: с 18 сентября он упоминал, что одновременно с ведением дневника читал «Наслаждение жизни» Золя, «Цусиму» Новикова-Прибоя, «Детство» Толстого, хотел читать «Мертвые души» Гоголя, Байрона. 1 декабря он записал: «Уроков еще не делал, ибо читал книжку "На пороге жизни". В. Поташев, писатель, в курсе школьной жизни, но слишком наивен. Теперь это уже старо. Завтра начну читать "Первая вахта" В. Вальде».

В дневнике часто появлялись записи о взятии, затем — об освобождении городов. 13 сентября 1941 года Алексей отметил: «Не знаю, что делать далее. Куда бежать, где скрыться. Городу Ленина, кажись, несдобровать, несмотря на памятник Петру I. Если немцы займут город, то и ему несдобровать». На следующий день: «Говорят, что немцы взяли Пулково. Сегодня в военкомате видел партизан». 16 сентября он зафиксировал: «По

радио говорят, что немцы убивают. Я не хочу, чтобы Ленинград был взят». Алексей всерьез опасался, что немцы войдут в город. На страницах дневника он отмечал, что надо бы изучать немецкий язык [11], но также с ненавистью писал о захватчиках и Гитлере, желая ему гибели: «На фронте у Ленинграда дела дрянь. Тихвин взят. Волховстрой обстреливают. Ленинград в окружении. Как пробить кольцо блокады. Голод и холод <...>. Эх, черт побрал этих немцев с державами оси. Скорей бы блокада разбита была. Я теряю дух патриотический...» (4 декабря).

Фрагмент страницы дневника Алексея Матвеева от 2 сентября 1941 года. Жизнь школьника в блокадном Ленинграде. Дневники 1940–1942 гг. / сост. И.И. Феофентова. Великий Новгород, 2019. С. 184

Бомбардировки Алексей отмечал словами «SOS» или «СОС»: «День плох, утром SOS, бомбят! <...> Итак, дни 2/X — 41 г. и 3/X — 41 г. из-за SOSов пропали бесцельно» (5 октября). 19 сентября в 18 часов он «отправился смотреть разрушения на Гулярной улице. Дом семи этажей пробит насквозь и разрушен. Большое впечатление произвела на меня разруха. Пришел во двор. Встретил («Надю»). Еще раз сходили посмотреть разруху

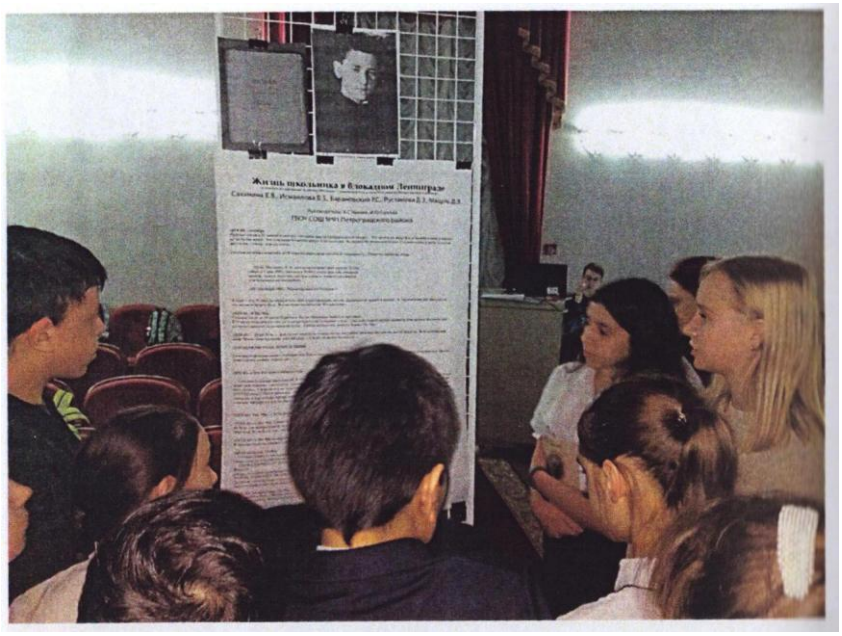
от бомб». 16 октября он записал: «Во время тревоги были сброшены зажигательные бомбы. Возникший пожар уничтожил стеклянный театр и американские горы. Я ходил тушить пожар».

Неоднократно Алексей (в 1941 году ему исполнилось 17 лет) пытался уйти в армию: «Я вчера еще думал о том, что не буду сидеть дома. И я решил пройтись тогда. Как плохо ходить по улице сейчас, неудобно, мужчин нет совсем, все на фронтах. А ты ходишь, как граф. Мимо тебя проходят ополченцы» (25 сентября). 29 сентября Алексей был в военкомате, где его признали не годным к военной службе: «В военкомате потерпел полное крушение. Признали не годным. Эх, черт возьми. Уши! Уши! Я совершенно не ожидал, что будет медкомиссия. <...> Карьера для меня окончательно закрыта. И в армии я буду только пушечным мясом, если меня только возьмут в армию».

10 октября 1941 года молодой человек пошел в 9-й класс школы № 91 — «попал под гнет школы», как отметил он в дневнике [12]. Дома и в школе он искал возможность подработки: чинил электричество, проводил радио, убирал снег в школе, за что получил две тарелки «супа». Со временем на страницах дневника появляются записи о нехватке еды и снижении норм. «Пошел в булочную, там урезали норму хлеба», — писал он в дневнике 2 сентября. «Уже 3-й день как начались бомбардировки. Ночью очень страшно, но я не падаю духом, — записал Алексей 12 сентября. — Сегодня убавили норму хлеба, теперь буду получать 200 гр.». С приближением зимы Алексей всё чаще пишет о голоде: «С едой трудней и трудней. Каждый день миллионы перемалывают последние остатки продовольствия» (23 октября); «Сегодня весь день без хлеба сидим, не дают на завтра. Наверно, на завтра норму сбавят, 150 грамм будут давать. Hunger! Hunger! (нем. «голод» — *В.К.*). Сволочи, до чего довели страну, поганцы. Как всё надоело, невольно лезут в голову воспоминания о былых днях, когда без карточек можно было достать всё. Как хорошо было перед войной. Всё, всё появилось. Сволочь, Гитлер, хоть бы ему, идиоту, сдохнуть» (12 ноября); «Хлеба 150 г не хватает. У меня сейчас утопическая химера. Эффектный ужин или "Человек, обладающий сверхъестественной силой психики". Да, хорошо быть таким!» (14 ноября). Алексей подробно писал о том, что ели он и его родные и сколько граммов пищи доставалось ему.

Алексей фиксировал изменения в своем состоянии: в октябре стало труднее дышать, в декабре — тяжело подниматься по лестнице. На страницах дневника он всё чаще обращался к Богу, писал молитвы,

отмечал, что хочет пойти в церковь. Одновременно он придумывал приметы, например, связанные с появлением и исчезновением кошки в квартире: «Эх, киска, ведь ты у нас появился с начала войны. А знаешь, это дрянь примета, когда тебя не было, всё в порядке было» (27 ноября); «…Неожиданное исчезновение кота. С его появлением у нас настала голодная година, он внес голод в наш дом, и с его появлением началась война, он пропал, исчез, из чего можно сделать вывод, что война или голод в нашей квартире тоже кончится» (5 декабря).

Учащиеся средней школы № 91 Санкт-Петербурга рассказывают
о дневниках Алексея Матвеева у экспозиции школьного музея
на районной акции «Свеча памяти».
Жизнь школьника в блокадном Ленинграде. Дневники 1940–1942 гг.
Изд. 2-е, доп. / сост. И.И. Феофентова. Великий Новгород, 2021. С. 168.

По содержанию дневника можно увидеть, что его вел чуткий, глубокий человек, несмотря ни на что сохранивший любовь к природе и красоте. В страшных, разрушительных условиях войны он писал (когда возвращался из Ириновки): «Еще раз говорю, осень 1941 г. очень, очень хорошая. Какая красивая природа осенью <…> Листики, хоть их было и много, я не привез, очень красивая природа. И я думал, что нарушу, испорчу красоту, если увезу хоть один листик» (4 октября). 27 ноября 1941 года Алексей написал: «Я стал ценить жизнь, несмотря на то, что сейчас голод. Всё равно хочется жить! Жить, дышать, видеть небо над головой!»

Жизнь Алексея Ивановича Матвеева трагически оборвалась весной 1942 года. Тетя отвезла его тело на саночках в парк имени В.И. Ленина (в настоящее время — Александровский), куда свозили умерших, и оставила там. Место его погребения неизвестно. Но память о нем жива — сохраненный дневник был издан, он передан в библиотеки, учебные заведения, Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. Дневник Алексея Матвеева — это еще один важный источник по истории блокадных судеб и осажденного Ленинграда.

Список литературы

1. «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника / сост. А.Ю. Павловская; науч. ред. Н.А. Ломагин. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 421.

2. Военный дневник Тани Вассоевич: 22 июня 1941 — 1 июня 1945 / предисл. Л.П. Решетникова; вступ. А.Л. Вассоевича. Санкт-Петербург: Аврора, 2015.

3. Про Капу Вознесенскую. По страницам блокадного дневника ленинградской школьницы К. Вознесенской. Октябрь 1941 — август 1942. Санкт-Петербург: Красный матрос, 2014.

4. Зимницкая Г.К. Блокадные будни (Дневник ленинградской девочки) // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания / сост. С.Е. Глезеров. Санкт-Петербург: ООО «ИТД "ОСТРОВ"», 2012. С. 22–105.

5. Мухина Е. «...Сохрани мою печальную историю...»: Блокадный дневник Лены Мухиной / отв. ред. В.М. Ковальчук; подгот. к публ. и коммент. В.М. Ковальчука, А.И. Рупасова, А.Н. Чистикова; вступ. ст. С.В. Ярова. Санкт-Петербург: КоЛибри, 2011.

6. Игорь Никитин. Блокадный дневник / сост.: Н.Ю. Бринюк, Ю.Л. Буянова. Санкт-Петербург: Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, 2021.

7. «Записывать в дневник я буду только важные события и еду»: Блокадный дневник ленинградской школьницы Марины Сергеевны Роза (Каретниковой) (23 ноября 1941 — 26 мая 1943) // «Пока я жива, живешь и ты»: Женские дневники блокадного Ленинграда / сост.: А.Ф. Павловский, А.Ю. Павловская; науч. ред. Н.А. Ломагин. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. С. 420–458.

8. Жизнь школьника в блокадном Ленинграде. Дневники 1940–1942 гг. / сост. И.И. Феофентова. Великий Новгород: Позитив, 2019.

9. Жизнь школьника в блокадном Ленинграде. Дневники 1940–1942 гг. 2-е изд., доп. / сост. И.И. Феофентова. Великий Новгород: Позитив, 2021.

10. Там же. С. 22.

11. Там же. С. 34, 46.

12. Там же. С. 57.

ВЫЧЕРОВ Д.А.
Кандидат исторических наук, доцент Высшей школы общественных наук,
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого,
н. с. отдела «Института истории обороны и блокады Ленинграда»
Государственного мемориального музея
обороны и блокады Ленинграда

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ЭВАКУАЦИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Уже не один десяток лет внимание российских исследователей и общественности сосредоточено на событиях Великой Отечественной войны. Регулярно выходят научные и научно-популярные публикации, монографии, сборники воспоминаний и архивных материалов, проводятся конференции и круглые столы. Всё это способствует формированию более целостного представления об изучаемом периоде, который является важнейшим в истории России XX в.

Некоторые исследователи уделяют внимание советскому военному детству. И можно констатировать, что к настоящему времени имеется немалый научный задел по этой теме. Однако ряд аспектов советского военного детства остаётся недостаточно изученным. Прежде всего, слабо освещён вопрос о том, как экстремальные условия войны повлияли на мировоззрение советских детей и подростков и каким образом они приспосабливались к реалиям военного времени.

В рамках изучения тематики «блокадного детства» нередко обращают внимание и на то, как проходила эвакуация детей и подростков и как она отразилась на их мировоззрении. Современная историография характеризуется расширением географии исследований — изучается

эвакуация детей в различные регионы СССР: Урал, Сибирь, Кавказ. Актуальные работы основаны на анализе широкого круга архивных документов: решения органов власти, отчёты комиссий по эвакуации, воспоминания воспитателей и самих эвакуированных детей. Изучены отдельные регионы приёма, механизмы функционирования новых детских учреждений, повседневная жизнь, культурная и образовательная адаптация, медицинская помощь. Современные исследования посвящены выявлению долгосрочных последствий эвакуации для судьбы поколений, а также психолого-педагогическим проблемам и образу «детства войны».

Большинство несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны проживало в тыловых регионах СССР. Некоторые районы (Сибирь, Урал, Казахстан) стали центрами эвакуации, в ходе которой были перевезены десятки тысяч предприятий и миллионы советских людей. Среди прибывших было и немало детей и подростков. Кто-то прибыл вместе с родителями, кто-то же оказался на новом месте, будучи воспитанниками детских домов. Так, по одним данным, в Омскую область было эвакуировано 62 детских дома на 15 635 чел., а вновь открыто — 26 детских домов, рассчитанных на 43 881 чел. Ряд исследователей же отмечает, что «на 1 января 1944 г. в Омской области было размещено 122 детских дома (в том числе 65 из Ленинграда, а в них числилось 14 000 детей, и в интернатах — 8000)» [11, с. 146]. В Тюменской области (в её современных административных границах) к 1943 г. действовали 13 детских домов и интернатов, которые прибыли из Ленинграда, 3 — из Москвы, а также 9 дошкольных и 17 смешанных детских домов, 2 школы для глухонемых, эвакуированные из других регионов СССР. Всего же, согласно архивным документам, к 1 апреля 1943 г. в Западную Сибирь было эвакуировано 359 900 детей, из которых 106 900 — в Омскую область [11, 24].

По мере осуществления массовой реэвакуации, развернувшейся с конца 1943 г., дети возвращались домой. Их находили и забирали родители или родственники, они уезжали вместе с детскими учреждениями и организациями. По сохранившимся количественным данным, на 1 апреля 1943 г. на территории Западной Сибири проживали 359 900 эвакуированных детей, из которых 106 900 — в Омской области. К 1 января 1944 г. их численность сократилась до 66 400.

Далее я подробно расскажу о новых источниках, которые мне удалось найти в архивах города. В этих документах содержится информация о том, как проходила эвакуация детей и подростков из Ленинграда во время

блокады и как протекала их жизнь в тылу. О некоторых из них я уже рассказывал в публичной лекции. А именно про:

1) «Очерк» воспитанников детского интерната Архфонда (интерната архитектурного фонда Ленинградского отделения Союза архитекторов).

2) «Очерк» школы-интерната № 178 Смольнинского района г. Ленинграда.

Эти источники представляют особую ценность для изучения истории советского военного детства. Их ценность обусловлена, прежде всего, тем, что активное участие в их составлении приняли дети и подростки — маленькие участники и очевидцы происходящих событий. Их детальный анализ позволит не только дополнить картину событий, связанных с эвакуацией, но и, самое главное, расширить наши знания о психологии детей и подростков и влиянии на неё чрезвычайной ситуации.

Остановимся подробнее на комплексе документов, содержащем информацию о детском доме-интернате для детей и подростков (в возрасте от 1 года до 13 лет), чьи родители работали в Ленинградском обкоме и горкоме.

Изначально данное учреждение располагалось в г. Галич Ярославской области, куда дети и работники были эвакуированы из Ленинграда.

В конце ноября — начале декабря 1941 г. (в октябре 1941 г.) Эвакосовет при СНК СССР принял решение об эвакуации из Ярославской области ленинградских детей в г. Троицк, который находится в Челябинской области. Контролировать переезд и согласовывать детали переезда возложили Ленобком и Ленгорком на Широкова и Самсонова.

В годы Великой Отечественной войны в городе Троицк (Челябинская область) постоянно проживало около 40 тысяч человек. К концу первого военного года сюда было эвакуировано почти 18 тысяч человек из западных районов СССР, главным образом женщин и детей, так что фактическое население города увеличилось и превышало 55 тысяч человек на пике эвакуации.

В соответствии с первоначальным планом эвакуации детей в Троицк в декабре 1941 года, предполагалось разместить 300 воспитанников в здании школы № 14, а оставшихся 450 — в помещениях зерносовхоза «Нижняя Санарка». Однако реализация этого плана столкнулась с серьезными организационными трудностями. Вскоре выяснилось, что здание школы № 14, намеченное для приема первой группы детей,

оказалось частично занятым другими учреждениями, а из-за «споров и недоговорённости между руководящими работниками города Троицка и Троицкого района» оно так и не было должным образом подготовлено к размещению эвакуированных.

Параллельно с этим, второе из намеченных помещений — зерносовхоз «Нижняя Санарка» — также оказалось недоступным, поскольку райисполком отказался выделить его для нужд прибывающих детей, ссылаясь на уже имеющуюся нагрузку и отсутствие свободных площадей. В сложившейся ситуации местные власти предложили взамен лишь четыре **«непригодные для жизни деревенские избы, находящиеся в глуши»**, что совершенно не соответствовало санитарным и бытовым требованиям для размещения детей, особенно в зимний период. Об этом критическом положении 7 декабря 1941 года заместитель управляющего делами Ленинградского обкома и горкома В.И. Широков сообщил секретарю Челябинского обкома Г.Д. Сапрыкину, подчеркнув, что дети уже находятся в пути и должны прибыть в Троицк в течение ближайших двух-трех дней.

Одновременно Широков информировал о создавшемся кризисе других ответственных лиц — Никитина и Михеева, стремясь привлечь их внимание высшего руководства к угрозе массового размещения детей в условиях, не отвечающих элементарным нормам безопасности и здоровья.

Первые 400 детей из блокадного Ленинграда прибыли в город Троицк Челябинской области 10 декабря 1941 года, и перед местными властями немедленно встала задача их срочного размещения и обеспечения минимальными условиями жизнедеятельности. В условиях острой нехватки подходящих помещений и сложной организационной ситуации, сложившейся ранее из-за отсутствия согласованности между городскими и районными органами, было принято решение разместить детей в здании школы № 14, которое, несмотря на предыдущие трудности, всё же было приведено в относительный порядок к моменту прибытия эшелона. Однако это размещение потребовало дополнительных мер: согласно приказу заместителя председателя Челябинского облисполкома Ковригиной, часть детей, ранее проживавших в этом здании, была переселена в другое помещение, чтобы освободить необходимое пространство для новоприбывших ленинградцев.

Благодаря оперативному вмешательству руководства Ленинградского обкома ВКП(б) были выделены и доставлены в Троицк постельные

принадлежности, полотенца и мебель, что позволило создать более приемлемые бытовые условия для детей, переживших тяжелый путь из осаждённого города. Эти усилия стали результатом прямого обращения представителей ленинградской стороны, включая Широкова, который лично информировал высшее руководство о критической ситуации с размещением, что способствовало скорейшему решению материальных вопросов.

Оставшиеся дети, прибывшие в последующие дни, должны были быть размещены в специально подготовленном двухэтажном каменном здании, которое располагало 16 комнатами, кухней, большой плитой и водопроводом — условия, значительно более подходящие для длительного проживания. Это помещение изначально рассматривалось как основное, но из-за бюрократических задержек и споров между городскими и районными властями его передача была затруднена, и в итоге оно было предоставлено лишь после вмешательства областного руководства.

Параллельно с размещением детей решался вопрос о проживании взрослых родственников, сопровождавших эвакуированных. Их планировалось разместить в соседнем районе, что позволяло разгрузить городскую инфраструктуру и обеспечить более организованное распределение ресурсов.

Среди прибывших взрослых находились члены семей высокопоставленных партийных работников Ленинграда, что подчеркивало приоритетность и политическую значимость этой группы эвакуированных. В частности, в списке значились жены первых секретарей ключевых районных комитетов ВКП(б): супруга первого секретаря Петергофского райкома, жена первого секретаря Красногвардейского райкома, а также жена первого секретаря Володарского райкома и другие представительницы партийной элиты.

В итоге детей разместили в двух домах в Троицке, детей ясельного возраста разместили в селе Кузнецком Кыштымского района, семьи же были размещены кто где: в Троицке — 50 человек, в Курганском районе Челябинской области — 35, в Варгашинском — 30, в Петуховском — 50, в Лебяжьевском — 20, в Мишкинском — 30, в Кыштымском — 50[6]. Об этом было доложено 4 января 1942 г. Широкову, Никитину и Кузнецову. Кого-то же из родителей разлучили со своими детьми.

[6] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2е. Д. 2. Л. 101.

10 октября 1941 г. бюро Челябинского обкома ВКП(б) приняло постановление «О размещении эвакуированных семей руководящих работников Москвы и Ленинграда». «Проверкой установлено, что эвакуированные семьи руководящих партработников размещены в доме по ул. Красная, 48, находятся в плохих бытовых условиях, — говорилось в констатирующей части постановления. — Отопительная, водопроводная и канализационная сеть дома до сего времени не отремонтирована, стекла побиты, электропроводка неисправная. После освобождения Челябинской конторы “Главмука” дом остался без присмотра, горисполком никаких мер к ремонту этого дома не принимает». Бюро обязало председателя горисполкома С.В. Нестерова под его личную ответственность в десятидневный срок отремонтировать отопительную систему, электропроводку, окна и двери в этом доме. Председателю облплана Н.П. Паничкину поручили выделить необходимое количество угля и дров для отопления, а заведующему угольным отделом обкома Иванову — «рассмотреть вопрос о включении электроосвещения».

В дальнейшем, по распоряжению Уполномоченного Ленинградского обкома и исполкома, секретаря Ленобкома Дмитриева от 12 января 1942 г. вместо 4 детских домов партактива были образованы 2 детских интерната: один школьный, а другой — для дошкольников.

Школьный интернат надлежало разместить в здании бывшего Ветзоотехникума, а дошкольный — в здании бывшей школы № 14. Всю подготовку зданий завершить к 20 января.

Директором школьного интерната был назначен Кагарлицкий, а дошкольного — Васенина, которые должны были приступить к исполнению своих обязанностей не позднее 15 января. До 17 января они должны были укомплектовать штат, составить и утвердить смету в соответствии с принятыми нормами снабжения детдомов и представить их на утверждение в Челябинский облоно. Утверждены были и врачи каждого из интернатов.

Интернат, который располагался в селе Кузнецкое, отделялся в самостоятельную единицу (школьно-дошкольный интернат). Контроль за деятельностью интернатов и оказанию им необходимой помощи возлагался на Широкова (зам. Управляющего делами ленгоркома и обкома)[7].

[7] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2е. Д. 2. Л. 135.

К весне 1942 г. в двух интернатах было уже 600 детей[8]. В дальнейшем приём новых детей мог осуществляться только в соответствии с решением Леноблоно и при согласии секретаря Ленобкома (Дмитриева) и заместителя управляющего делами ОК и ГК Широкова.

Именно через Фёдора Михайловича Широкова шла основная переписка. Судя по документам, он решал широкий спектр вопросов, но особое место занимало оказание помощи нуждающимся семьям и поиск всего необходимого для интерната. Так, он подписывал заявки на предоставление семян, коров для подсобного хозяйства, топлива, строительных материалов для ремонта помещений интернатов, вагонов для того, чтобы перевезти детей и членов семей работников Ленгоркома и обкома. Писал он и о предоставлении строительных материалов для пионерского лагеря, куда должны были поехать воспитанники интерната, а также для помощи колхозам.

В марте 1942 г. Широков телеграфировал начальнику Грузовой службы ЮУЖД о том, чтобы тот дал соответствующее указание о направлении в г. Троицк вагона, прибывшего из Ялуторовска с имуществом двух детских интернатов Ленобкома, которые находятся в Троицке[9].

Есть несколько документов, в которых он пытался решить вопрос о возвращении ребёнка в Ленинград[10].

К Широкову обращались люди и с просьбой/требованием разместить в интернате своих детей. Так, в июле 1942 г. ему пришло письмо от бывшего лектора Ленобкома и горкома, доцента и декана одного из вузов Ленинграда (Бутина). В своём письме он писал следующее[11]:

«14 июля 1941 г. добровольцем пошёл в армию, где сейчас и нахожусь. Семья же моя, состоящая из жены, двух сыновей и матери, эвакуировалась из Ленинграда в г. Троицк, но эвакуировались не вместе с семьями работников горкома. Если бы я не был в армии, то они уехали бы вместе с ними, а эвакуировались по линии райсовета. В настоящее время они находятся в Троицке. Имея мать, двух детей — жене моей весьма трудно.

[8] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Опись 2е. Д. 1 г. Л. 199.

[9] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2е. Д. 2. Л. 362.

[10] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Опись 2е. Д. 4. Л. 1.

[11] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Опись 2е. Д. 1 г. Л. 252.

Поэтому прошу Вас помочь ей и мне, определив моего сына в интернат Ленгоркома».

На имя Широкова поступали письма, в которых просили или требовали разместить ребёнка в учреждении. Но предварительно требовалось получить разрешение от вышестоящих. Так, военком Сануправления Ленфронта (старший батальонный комиссар) Шелемеха обратился к Михееву с просьбой принять сына секретаря Сануправления Ленфронта в интернат, поскольку «мать ребёнка в настоящее время больна, из-за чего ребёнок находится без присмотра»). Однако в другом письме, адресованном члену военного совета Ленфронта Соловьёву, сообщалось, что Михеев сообщил, что зачислит ребёнка в интернат только при согласии Соловьёва»[12].

Некоторые семьи жили в тяжёлых условиях и нуждались продовольствии, топливе и медицинской помощи. К таковым, согласно записке Широкова, отправленной секретарю Челябинского обкома, относились семьи первого секретаря Смольнинского райкома, первого секретаря Фрунзенского райкома, а также семья заместителя заведующего сельхозотделом обкома ВКП(б) и семья помощника секретаря Ленгоркома Кузнецова (тов. Филатова). Трудности были вызваны тем, что их поселили в сельсовете, который находился в 35 км от железной дороги[13]. В этой связи Широков просил о том, чтобы были даны указания о предоставлении жилплощади в Челябинске, в частности, на ул. Красная, 48.

В другом письме сообщалось: «В связи с тем, что семьи приехали в декабре, они не смогли себя обеспечить на зиму необходимыми дополнительными продуктами питания (картофелем, капустой, мясом). Приобрести же на рынке не могли по причине отсутствия денег и высоких цен. С обеспечением хлебом и другими продуктами по карточкам обстоит дело очень плохо, бывают случаи, что семьи по 3 дня не получают хлеба. Из выдаваемого теста взамен хлеба нет возможности изготовить хлеба из-за отсутствия дров и угля. Часть семей прикреплены на получение хлеба в железнодорожном торге, где ежемесячно открепляют, ссылаясь на отсутствие фонда на муку. Другие продукты по карточкам не отовариваются»[14].

[12] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Опись 2е. Д. 1 г. Л. 293.

[13] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2е. Д. 2. Л. 371.

[14] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2е. Д. 2. Л. 370.

Широков просил секретаря Челябинского обкома прикрепить эти семьи к столовым и выделить снабжение хлебом. Членов семей также прикрепили к поликлинике[15].

В письме Косыгину А.Н. от 1 июля 1943 г. Попков и Капустин просили о том, чтобы он дал указание Наркомторгу прикрепить семьи руководящих работников обкома и горкома к спецснабжению в г. Челябинск через Главгастроном по нормам, установленным для руководящих работников. Уже 15 июля было отправлено в ответ положительное решение.

Работу Широкова Кузнецов оценил как неплохую. Также упомянул, что Широков должен помогать всем семьям, проживающим на улице Красной, деньгами, давать взаймы, а также договориться с жильцами о том, что покрыть долг можно за счёт зарплаты. Потом же можно расчёт провести через бухгалтерию Ленобкома[16].

В этой же записке Кузнецов просил Широкова позаботиться о его семье: «устроить, если это возможно, их немножко посвободнее (в большей по площади квартире)». Решить это, он полагал, можно было за счёт того, что кто-то из жильцов на Красной улице, 48 собирался съехать.

Таким образом, переезд интерната для детей сотрудников партийных и советских органов на новое место осуществлялся в тяжёлых условиях, что объяснялось нехваткой зданий и помещений для обустройства детей. Определённые трудности возникали и со снабжением детдома продуктами питания, дровами, одеждой и обувью, о чём неоднократно докладывал уполномоченный исполкома Ленинградского горсовета и Ленинградского обкома ВКП(б) Дмитриев.

Особенно ценны данные документы в связи с Ленинградским делом.

В Троицке для этой категории эвакуированных также создавались приемлемые условия. Как указывал в заявлении 1969 г. Ф.М. Широков, два детских интерната и семьи прибыли в Троицк в сопровождении секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Дмитриева. Под детские интернаты были отданы здания средней школы и ветеринарного института. Приблизительно две сотни семей были «размещены в частных домах в принудительном порядке с привлечением и участием административных органов».

[15] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2е. Д. 1 г. Л. 175.

[16] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Опись 2е. Д. 1 г. Л. 14.

О материальном положении «номенклатурных семей» известно в общих чертах от того же Ф.М. Широкова — из его объяснительной записки, написанной в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) в сентябре 1949 г. «Семьи руководящих работников, в Челябинске — особенно, жили материально хорошо обеспеченные, — писал Ф.М. Широков, — в большинстве не работали, получали продуктовый лимит в спецмагазине, получали часто денежные посылки из Ленинграда, продуктовые посылки из Ленинграда и Москвы, кроме того, получали продовольственные и промтоварные карточки и карточки сухого пайка, и обеды в столовой по первой рабочей группе или спецгруппе»[17].

«В 1942 году направлено было т. Широкову Ф.М. промтоваров на сумму — Руб.: 413.581–03 для детских интернатов и эвакуированным семьям работников Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) (одежда, обувь, мануфактура и др.)», — указывалось в акте ревизии.

Есть свидетельство Широкова о том, как ленинградское начальство в лице второго секретаря горкома и обкома ВКП(б) А.А. Кузнецова запретило передавать или продавать вещи заводу: «В конце 1941 или начале 1942 года парторганизация Кировского завода обратилась в Ленинградский горком ВКП(б) за помощью: разрешить отпустить со склада в Челябинске за деньги или во временное пользование для детского интерната завода старых фланелевых одеял и простыней. Секретарь горкома ВКП(б) Кузнецов ответил не мне, а жене в своем к ней письме о том, что отпускать одеяла и другое не надо. Эти слова в письме мне передала как указание»[18].

По личному указанию А.А. Кузнецова в целях ревизии финансово-хозяйственной деятельности Широкова и Злобина в Челябинск выехали заместитель управляющего делами ленинградских обкома и горкома Н.М. Юницын и главный бухгалтер К.А. Сазонов[19]. Проверяющие выявили многочисленные злоупотребления того и другого[20]. Впоследствии материалы этой проверки легли в основу уголовного дела.

---

[17] Сушков А.В. Блокада не для всех: продукты, деньги и текстиль из осажденного Ленинграда // Государственный архив социально-политической истории Свердловской области. URL: https://gaspi-so.ru/editions/from-personal-archives/1320-blokada-ne-dlya-vsekh-produkty-dengi-i-tekstil-iz-osazhdennogo-leningrada; РГАСПИ, ф. 589, оп. 3, д. 6315, л. 192.

[18] РГАСПИ, ф. 589, оп. 3, д. 6315, л. 192.

[19] Там же, л. 256, 260–261, 274.

[20] Полный список сотрудников: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Опись 2е. Д. 1 г. Л. 242–243.

ПАНОВА О.В.
Почетный работник воспитания и просвещения Российской Федерации,
преподаватель высшей категории
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ФЕНОМЕН БЛОКАДНОГО ДЕТСКОГО ДОМА

Аннотация: В статье исследуется феномен детских домов блокадного Ленинграда как целостной системы спасения и реабилитации детей в условиях гуманитарной катастрофы. Отмечается, что при наличии фундаментальных статистических исследований (труды В.М. Ковальчука, А.Н. Чистикова) такие аспекты проблемы, как механизмы повседневного выживания, педагогические практики и роль низовой инициативы, остаются недостаточно изученными. Научная новизна работы заключается во введении в оборот ранее не публиковавшихся данных о гендерном составе воспитанников детского дома № 55/61 на улице Правды, 20, а также в реконструкции критериев отбора персонала в экстремальных условиях блокады на основе анализа архивных материалов и мемуарных источников. Особое внимание уделяется значению двойной нумерации учреждения как механизма сохранения семейных связей между детьми. С применением историко-генетического и нарративного методов реконструируются статистика смертности, стратегии выживания и педагогические подходы, применявшиеся в детском доме. Результаты исследования могут быть использованы в современных программах реабилитации детей, пострадавших в чрезвычайных ситуациях. Статья рассчитана на историков, педагогов и специалистов по социальной работе.

Великая Отечественная война и последовавшая блокада Ленинграда стали беспрецедентным испытанием не только для армии и флота, но и для мирного населения, в первую очередь — для детей, в одночасье

лишившихся семьи, крова и самого детства. В этих экстремальных условиях блокадный детский дом возник как уникальный социальный и педагогический феномен — не просто приют для сирот, а сложноорганизованная система спасения и реабилитации, сумевшая противопоставить тотальному хаосу голода, холода и смерти строгий порядок, дисциплину и человеческую заботу. На примере детского дома № 55/61, располагавшегося на улице Правды, 20, можно проследить, как из отчаяния и разрухи шаг за шагом рождалась эта система и как самоотверженность обычных людей превращалась в отлаженный механизм возвращения к жизни.

В историографии темы отчетливо выделяются два основных направления. Первое представлено фундаментальными трудами В.М. Ковальчука [1] и А.Н. Чистикова [2], которые на основе скрупулезного анализа архивных данных реконструировали статистику детской смертности и динамику создания сети детских домов в осажденном городе. Второе направление — исследования повседневности, где особую значимость приобретают работы Н.А. Ломагина [3] и В.А. Сомовой [7]. Однако механизмы отбора персонала в условиях тотального голода, гендерный состав воспитанников, а также степень уникальности опыта конкретных учреждений до сих пор оставались малоизученными. Настоящая статья призвана восполнить эти лакуны на примере детского дома № 55/61.

Масштаб трагедии и создание системы детских домов

К осени 1941 года в кольце блокады оказалось около четырехсот тысяч детей. Первая блокадная зима 1941—1942 годов обернулась чудовищной детской смертностью и появлением десятков тысяч сирот, оставшихся в промерзших квартирах одни или с умирающими родственниками. Ответом на эту катастрофу стало экстренное создание сети детских домов. Динамика их роста красноречиво свидетельствует о масштабах бедствия: на 17 декабря 1941 года в городе насчитывалось всего 17 таких учреждений, на 1 февраля 1942 года — уже 64, а к 7 марта 1942 года — 98 [1, с. 214]. Вся эта гигантская работа велась под лозунгом, ставшим законом для городских властей: «Ни одного беспризорного ребенка в Ленинграде!».

Период с декабря 1941 по март 1942 года стал временем пикового наполнения детских домов при катастрофически высокой смертности. Согласно данным, приведенным А.Н. Чистиковым, на 1 января 1942 года в 67 детских домах числилось 11 074 ребенка [2, с. 78]. К весне 1942 года, с

учетом роста числа учреждений, в них одновременно находилось от 12 до 15 тысяч детей — целый город детского горя и страдания, требующий немедленной помощи.

Статистика смертности: цена выживания

Статистика детской смертности в детских домах остается одной из самых трагических страниц истории блокады. Пик смертности пришелся на декабрь 1941 — март 1942 года — самые страшные месяцы осады. В некоторых детприемниках в январе-феврале 1942 года умирало до 70—80% поступавших детей, не выдерживавших последней стадии дистрофии и психологического шока от потери родных [2, с. 81].

В самих детских домах картина была немногим лучше. Исследователь В.М. Ковальчук приводит данные, что зимой 1941/42 года в ленинградских детдомах ежемесячно умирало от 30 до 50 % списочного состава [3, с. 157]. Абсолютные цифры ужасают: только за январь 1942 года в детдомах умерло 3289 детей — почти треть от списочного состава на начало месяца, а за февраль — еще 2482 ребенка [2, с. 82]. Таким образом, за первую блокадную зиму погибло не менее половины детей, прошедших через эти учреждения. Однако, несмотря на столь высокие потери, детдом давал единственный шанс на спасение: на улице или в промерзшей, опустевшей квартире смертность была практически стопроцентной.

Проблема точного подсчета связана не только с неполной сохранностью архивов за 1941—1942 годы, но и с тем, что многие дети умирали до официального зачисления — по пути в учреждения, в машинах «скорой помощи», в приемных покоях, так и не успев стать чьей-то статистической единицей.

Детский дом № 55/61: рождение системы из хаоса

История дома на улице Правды, 20, может служить эталонным примером того, как в нечеловеческих условиях создавался и функционировал блокадный детский дом. Его становление в феврале 1942 года стало возможным благодаря инициативе, исходившей не «сверху», а от самих педагогов — от тех, кто не мог оставаться равнодушным к детскому горю.

Ключевую роль в этом сыграла заслуженная учительница РСФСР Мария Вячеславовна Кропачева. Как вспоминала воспитательница Вера Николаевна Рогова, именно Кропачева, человек необычайной энергии и настойчивости, в считанные дни добилась передачи под детский дом

здания бывшего эвакопункта [4, с. 45]. Полученное помещение представляло собой заледеневшие руины — с выбитыми стеклами, неработающими коммуникациями, замерзшими нечистотами на лестницах. Директор будущего детдома Ольга Александровна Саренок описывала: «В доме было холодно, как на улице. Все стекла выбиты. Дом промерз насквозь» [5, с. 12]. Молодые воспитательницы, сами едва державшиеся на ногах от дистрофии, топорами срубали ледяные наплывы, на детских санках привозили из разбомбленных зданий дрова и кровати, выбивали у городских властей кирпич и стекла. Это была каждодневная, изнурительная работа по созданию жизни буквально из ничего.

Дети поступали в ужасающем состоянии. Воспитательница Ксения Галченкова с горечью вспоминала, как однажды новенький мальчик умер прямо во время оформления документов, не прожив в детдоме и часа [5, с. 14]. Дети, попадавшие сюда, были «тихими» — они не плакали, не бегали, не шумели, инстинктивно экономя каждую калорию, каждое движение. У многих, как у воспитанницы Иры Синельниковой, от пережитого ужаса начинались галлюцинации — им чудились погибшие матери, они разговаривали с мертвыми, и это было едва ли не страшнее физического истощения.

Важной особенностью организации стала двойная нумерация — 55/61. Завуч Ревекка Лазаревна Златогорская объясняла это слиянием школьного и дошкольного учреждений: детей из одной семьи не разлучали, чтобы старшие могли опекать младших, создавая тем самым психологическую опору для всех [4, с. 47]. Этот педагогический эксперимент, не имевший аналогов в других детдомах, стал важнейшим фактором эмоциональной устойчивости воспитанников.

Состав воспитанников и отбор персонала

Анализ сохранившихся списков детдома № 55/61 показывает примерное равенство мальчиков и девочек — 52% и 48% соответственно. Однако смертность в первую блокадную зиму была несколько выше среди мальчиков, что, вероятно, объясняется их большей физической активностью при крайней степени истощения [4, с. 62].

Механизм отбора персонала в условиях блокады был жестоко прагматичным. Воспитательница Елена Галченкова вспоминала: «Каждого, кто приходил наниматься, первым делом подводила к окну и смотрела — может ли человек хотя бы шевелиться? Хватит ли у него сил

работать прачкой или уборщицей?» [5, с. 18]. Профессиональные навыки учитывались во вторую очередь — главным критерием была физическая способность выполнять тяжелую работу. Проблема нехватки квалифицированных кадров решалась за счет привлечения студентов старших курсов педагогических вузов — в частности, исторического факультета ЛГПИ имени Герцена, а также матерей воспитанников, которые после краткого инструктажа включались в работу младшего персонала [7, с. 102]. При этом, как отмечает исследователь С.Д. Котов, среди персонала смертность была ниже средней по городу благодаря психологическому фактору сверхзадачи — необходимость ежедневно спасать детей мобилизовывала последние ресурсы организма, не позволяя сдаться и умереть [6, с. 145].

Механизм выживания: дисциплина, наука и самоотверженность

Перед коллективом стояла сверхзадача — вернуть к жизни детей с подорванным здоровьем и искалеченной психикой. Решение этой задачи основывалось на трех фундаментальных принципах.

Первый принцип — железная дисциплина. Хаосу войны необходимо было противопоставить строжайший порядок: четкий распорядок дня, часы приема пищи, регулярная санитарная обработка. Это создавало у детей, потерявших всё, ощущение предсказуемости и безопасности.

Второй принцип — научный подход к выживанию. Врачи и воспитатели, следуя указаниям выдающегося ленинградского педиатра профессора А.Ф. Тура, организовывали лечебное питание из того, что было доступно: готовили хвойные настои против цинги, дрожжевые супы для восполнения белков, кисели из отрубей. Детский дом стал своего рода лабораторией выживания, где каждое решение проверялось на практике ценой детских жизней.

Продовольственное снабжение детских домов было строго регламентировано, но регламент не всегда означал реальное обеспечение. В самый страшный период — ноябрь 1941 — февраль 1942 года — дети до 12 лет получали как «иждивенцы» всего 125 граммов хлеба в сутки [6, с. 203]. К весне 1942 года нормы в организованных учреждениях были увеличены: хлеб — 300–400 граммов, крупа — 50–60 граммов, мясо или рыба — 40–50 граммов в день. Однако эти цифры часто оставались лишь на бумаге: в реальности мясо заменялось субпродуктами или студнем из столярного клея, а крупа — соевой мукой.

Третий принцип — беспримерная самоотверженность персонала. Воспитатели — такие как Мирра Самсоновна Разумовская или Эсфирь Давидовна Рабинович — отдавали детям часть своего и без того скудного пайка, сутками дежурили у коек тяжелобольных, согревали малышей собственным теплом. Директор О.А. Саренок в своих дневниках постоянно отмечала: «выбила 3 кг олова для котла», «добилась дополнительного пайка крупы», «достала рыбий жир для самых слабых» [5, с. 22].

Выживание детей напрямую зависело от способности администрации добывать пищу вне карточной системы: создавать огороды с весны 1942 года, отправлять «лесные отряды» за щавелем и крапивой, налаживать обмен с местным населением в эвакуации [7, с. 88].

Эвакуация как этап возрождения: «Угорская республика»

Летом 1942 года детский дом был эвакуирован по «Дороге жизни» в далекую деревню Малые Угоры Кировской области. Передача детей местным властям оформлялась через акты приема-передачи, которые подписывались директором детдома и представителем районного отдела народного образования. Финансирование осуществлялось по линии Наркомпроса через областные отделы, при этом детдом сохранял самостоятельный баланс и ежеквартально отчитывался перед Ленинградским городским отделом народного образования [1, ф. Р-4000, оп. 11, д. 83, л. 12–15]. Период 1942–1944 годов стал фазой глубокой физической и психологической реабилитации.

Здесь, вдалеке от линии фронта, дети впервые за долгое время начали возвращаться к нормальной жизни. Они включались в посильный сельский труд: работали в огороде, заготавливали дрова, помогали по хозяйству. Это не только восстанавливало физические силы, но и возвращало утраченное чувство собственной полезности и нужности.

Параллельно с физическим восстановлением шла культурная реабилитация. Воспитанник Лев Разумовский — будущий известный скульптор и писатель — расписал стены так называемой «Пушкинской комнаты» сценами из сказок великого поэта [7, с. 102]. Ставились спектакли, работали литературные и художественные кружки, проводились викторины и конкурсы. Культура становилась таким же лекарством, как хлеб и тепло.

Педагогический коллектив во главе с О.А. Саренок сознательно следовал принципам А.С. Макаренко. Трудным подросткам — таким как Сашка

Корнилов — давали ответственность, назначая комиссарами отрядов, а конфликты разрешались не наказаниями, а через коллективное обсуждение [4, с. 56].

Результат этой стратегии был поразителен. Если в 1942 году местные жители, впервые увидев привезенных детей, со слезами говорили: «Какие скелеты!», то в 1945-м, провожая их обратно в Ленинград, с удивлением отмечали: «Какие мордатые стали!» [5, с. 67]. За этими простыми словами стоял колоссальный труд десятков людей, сумевших совершить невозможное.

Итоги и историческое значение

Деятельность детского дома № 55/61 была высоко оценена: он неоднократно награждался грамотами областных исполкомов [1, с. 345]. Его выпускники стали живым воплощением торжества жизни над смертью. Среди них — выдающийся скульптор, писатель, автор пронзительных воспоминаний «Дети блокады» Лев Самойлович Разумовский, а также знаменитый ленинградский художник Завен Петросович Аршакуни, чьи работы хранятся в музеях по всему миру.

Опыт блокадных детдомов, и в частности учреждения № 55/61, оказал существенное влияние на послевоенную систему социальной защиты детей-сирот в СССР. Принципы семейного устройства (неразлучение братьев и сестер), приоритет реабилитации через труд и культуру, а также особая роль воспитателя как «замещающего родителя» были закреплены в «Положении о детском доме» 1944 года и инструктивных письмах Министерства просвещения РСФСР 1946–1948 годов. В частности, опыт детдома № 55/61 по созданию разновозрастных групп и сохранению родственных связей был рекомендован к распространению в циркуляре Минпроса РСФСР № 125 от 15 марта 1946 года «Об улучшении работы детских домов». Внедрение этих рекомендаций на местах осуществлялось через систему семинаров для директоров детских домов и инструктивных совещаний в областных отделах народного образования [7, с. 189].

Преемственность прослеживается и в современных подходах к работе с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации — в частности, в приоритете семейных форм устройства и принципе индивидуального сопровождения каждого ребенка. Опыт детдома № 55/61 наглядно демонстрирует эффективность интеграции семейных, трудовых и культурных практик в условиях гуманитарной катастрофы.

Таким образом, блокадный детский дом предстает не просто как эпизод страдания, а как история созидательного сопротивления, где спасали не только биологическое существование, но и личность, достоинство и будущее ребенка. Это демонстрирует непреходящую значимость педагогических практик блокадного времени для современной социальной работы и педагогики.

Список литературы

1. Ковальчук В.М. Дорога жизни и дети Ленинграда / В.М. Ковальчук. СПб.: Наука, 2001. 398 с. (ЦГА СПб, ф. Р-3081 (Ленгорздравотдел), оп. 1, д. 365; ЦГАИПД СПб, ф. Р-4000, оп. 10, д. 214; оп. 11, д. 83).

2. Чистиков А.Н. Детские дома блокадного Ленинграда: организация и смертность // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 75–89.

3. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада / Н.А. Ломагин. СПб.: Нева, 2004. 608 с.

4. Юрченко Е.А. Блокадный детский дом 55/61 на улице Правды, 20 // История Петербурга. 2010. № 5. С. 44–58.

5. Разумовский Л.С. Дети блокады: Воспоминания / Лев Разумовский. Л.: Лениздат, 1989. 176 с.

6. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н.Л. Волковского. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2005. 760 с.

7. Сомова В.А. Сироты блокады: жизнь и спасение / В.А. Сомова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. 210 с.

АСТАШКИН Д.Ю.
Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Государственного мемориального музея
обороны и блокады Ленинграда,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН

БЛОКАДНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В МЕДИА ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1941–1944 ГГ.): КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА

Репрезентация блокады Ленинграда в зарубежных медиа является важным аспектом изучения как военной пропаганды, так и транснациональных культурных связей военного времени. Британская пресса в годы Второй мировой войны выступала не просто транслятором событий, но и активным участником формирования образа союзника и его трагедии. Цель данного доклада — проанализировать, как британские средства массовой информации конструировали образ блокадной повседневности Ленинграда в период с 1941 по 1944 год. Источниковую базу составили материалы британских газет, архивные документы (письма в Ленгорисполком, дневники современников) и данные периодической печати, впервые вводимые в научный оборот в таком объеме. Историография вопроса представлена работами как по истории блокады, так и по англо-советским отношениям [1; 2].

Анализ британских медиа позволил выделить четыре ключевых фрейма, через которые интерпретировалась жизнь осажденного города.

Первый фрейм — *«Героическая цитадель» (1941–1942)*. На начальном этапе блокады основная стратегия заключалась в милитаризации повседневности. Любая бытовая практика описывалась как часть

обороны. Например, корреспондент *Daily Express* 8 сентября 1942 года подчеркивал: «90% заводов эвакуированы… но оставшиеся 10% не простаивали ни часа», представляя рабочего солдатом трудового фронта. Активно использовалась лексика крепости: «баррикады», «бастион», «непокоренный»[21].

Второй фрейм — *«Коллективное страдание и жертва»*. Британские журналисты гуманизировали трагедию через детализацию лишений. Описания голодной смерти, «очередей за хлебом под обстрелом», «тел на санях» создавали мощный эмоциональный отклик. Это смещало акцент с абстрактных военных действий на конкретное насилие блокады, что легитимизировало союз с СССР через общность страдания перед лицом общего врага [3].

Третий фрейм — *«Повседневный стоицизм и культурная аутентичность» (1943–1944)*. С изменением военной ситуации меняется и тон публикаций. Доказательством жизнеспособности города становятся детали мирной жизни: открытие трамвая 1 мая 1942 года, которое корреспондент Пол Холт назвал «воскрешением города», репетиции в Александринском театре в шубах (*Evening Telegraph*), производство мороженого для детей (*Dundee Courier*). Эти детали конструировали образ не просто выживающего, но культурно-цивилизованного сообщества, что было принципиально важно для западного читателя, видящего в Ленинграде «окно в Россию» Петра Великого[22].

Четвертый фрейм — *«Транснациональная солидарность и народная дипломатия»*. Особый интерес представляет интерактивное включение британской аудитории. Прямые радиопередачи «Лондон — Ленинграду» (8 сентября 1941 г.) создавали эффект диалога: «Слушай, Ленинград! Говорит Лондон… Каждый ваш выстрел находит отзвук в Лондоне». Публикация писем из Британии в Ленгорисполком, телеграммы лорд-мэра Манчестера, а также организация фотовыставок в Лондоне (март-апрель 1944 г.) с книгами отзывов свидетельствуют о создании коммуникативного пространства, где британский читатель становился символическим участником поддержки [4].

Важным источником является ретрансляция голосов самих ленинградцев. Так, 8 октября 1941 года профессор-красноармеец К.Ф. Огородников

[21] *Daily Express.* 1942. 8 September.

[22] *Daily Record.* 1943. 28 May.

обратился на английском языке к своим коллегам — королевскому астроному сэру Спенсеру Джонсу и профессору Смарту, подчеркивая связь научного мира даже в условиях войны[23]. А дневник директора детского дома Нины Горбуновой фиксирует заказной фоторепортаж для английских газет в декабре 1942 года, что говорит о целенаправленной визуальной политике [5].

Таким образом, британские медиа не просто отражали, но активно конструировали многомерный образ блокадной повседневности, используя набор взаимодополняющих фреймов — от героико-милитарного до гуманитарно-бытового. Этот образ выполнял ключевые идеологические функции: мобилизацию поддержки союзника, гуманизацию советского народа для западной аудитории и демонизацию общего врага. Эволюция репрезентаций от «города-мученика» к «городу-возрождающемуся» свидетельствует о тесной связи медиадискурса с военно-политическим контекстом. Материалы британской прессы являются ценным источником не только по истории блокады, но и по истории формирования транснациональной памяти о Второй мировой войне.

Список литературы

1. Кутузов А.В. Блокада Ленинграда в англо-американской прессе (1941–1942 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. № 2. С. 88–93.

2. Henderson M. Dear allies. A story of women in Monklands and besieged Leningrad. Coatbridge: Monklands District Libraries, 1988. 112 p.

3. Быстрова И.В. «Моя поездка в Россию»: визит Клементины Черчилль в СССР весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 156–168.

4. Толстиков Т.Ю. Конструирование образов осажденного и возрождающегося города: особенности организации визитов иностранных корреспондентов в Ленинград в 1943–1944 годах // История повседневности. 2020. № 3. С. 112–125.

5. Горбунова Н. Дневник директора детского дома // ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 12. Л. 23–24.

[23] Цитата по: Князев Г.А. Дневник. 9 октября 1941 года.

ЛАВРИНОВИЧ К.В.
Кандидат педагогических наук, доцент
Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ БЛОКАДНОГО ГОРОДА

В июле 2026 года исполнится восемьдесят лет с начала обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Битва за Ленинград была самой длительной и кровавой битвой Великой Отечественной войны. Она продолжалась 1127 из 1418 ее дней и ночей (с 10 июля 1941 года по 9 августа 1944 года).

Как пишут в «Блокадной книге» Алесь Адамович и Даниил Гранин: «Ленинград — единственный город, который устоял перед самой длительной блокадой, и образ нашего города помог миру, человечеству остановиться на краю страшной пропасти, победить коричневую чуму двадцатого века. И сколько бы лет ни прошло, подвиг его жителей всегда будет олицетворением несокрушимой силы духа и воли к победе, мужества тех, кто в нечеловеческих условиях сумел остаться человеком, образцом беспримерного подвига, мужества, стойкости, несгибаемой воли к победе в дни суровых испытаний» [1].

Блокада Ленинграда была и объектом информационного противоборства. Так, за 872 дня блокады Ленинграда было сброшено около 20 миллионов агитационных листовок абвера с призывом к его жителям сдать город. Панические слухи среди горожан о положении в городе и на фронте распространяли диверсанты. Ленинградский фронт представлялся врагом

как фронт, не оказывающий существенного влияния на общий ход боевых действий.

В осаждённом городе также печатались листовки (фронтовые листовки, отражавшие важнейшие события на фронтах, рассказывающие о воинах, совершивших подвиги на фронте; листовки-приказы, листовки-обращения командования), плакаты, боевые листки. Это в том числе отвлекало население города от деморализующего влияния голода и холода. Борьбой с пропагандой противника занимались как органы НКВД, так и бригады агитаторов, созданные в каждом районе города.

В блокадном Ленинграде печатались такие газеты, как «Смена», «Ленинградская правда», которая выходила ежедневно тиражом более 200 тысяч экземпляров, «На страже Родины»; выходили заводские многотиражки (например, «Балтиец», «Ижорец»), детский журнал «Костёр». Центральные издания в блокадный Ленинград доставлялись самолётами, как и Постановления Военного совета Ленинградского фронта и документы Ленинградской городской эвакуационной комиссии.

Главным источником информации в блокадном Ленинграде было радио. Радиоточки работали на предприятиях, в клубах, на перекрёстках и площадях, в парках, медицинских учреждениях, квартирах горожан. Из громкоговорителей ленинградцы узнавали сводки Совинформбюро, они передавали сигналы воздушной тревоги и ее «отбоя», информировали население о том, как правильно себя вести во время пожаров и налётов вражеской авиации, артобстрелов, об изменении норм выдачи продуктов и т. д. Именно по радио 18 января 1943 года жители города узнали о прорыве блокады, а 27 января 1944 года — о ее полном снятии.

Дневниковые записи жителей блокадного Ленинграда (например, дневник ученицы ленинградской школы № 30 Елены Мухиной, охватывающий период с 22 мая 1941 года по 25 мая 1942 года) отличают фиксации разнообразных деталей блокадного быта, своих ощущений, эмоций, переживаний, что позволяет восстановить те детали жизни в блокадном городе, которые нельзя узнать из официальных документов.

В блокадном Ленинграде работала Ленинградская объединённая киностудия кинохроники. Так, фильм «Ленинград в борьбе» основан на съёмках блокадных событий осени 1941 — весны 1942 года, а пять частей фильма Павла Паллея «Ладога», выпущенного в 1943 году, рассказывают

о Дороге жизни. Необходимо отметить и информационные выпуски Ленинградского киножурнала (прежнее название — Северный киножурнал).

В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» отмечается, что воспитание патриотизма и гражданственности является основным принципом государственной политики в сфере образования. В его реализацию вносят свой вклад как учебные дисциплины, так и работа патриотических клубов, кружков, поисковых отрядов, походы и экскурсии по местам боевой и трудовой славы, военно-историческим и мемориальным комплексам, музеям, флешмобы, квесты, книжные выставки, просмотры и обсуждения патриотических кинофильмов и спектаклей, изучение информационного поля блокады Ленинграда, её связь с ходом военных действий и вклад в информационное противоборство в годы Второй мировой войны.

Среди целей проектной деятельности патриотической направленности студентов выделяют: воспитание уважения к подвигам защитников Отечества, развитие их творческих способностей и увлечений, активизацию их жизненной позиции. Проектная деятельность патриотической направленности студентов позволяет сохранять и развивать чувства гордости за свою страну и народ, формировать понимание важности изучения культурно-исторического наследия страны.

Ознакомившись с диссертацией А.В. Кутузова на соискание учёной степени доктора исторических наук «Блокада Ленинграда в информационном противоборстве в годы Второй мировой войны», в которой рассматриваются [3] вопросы формирования информационной модели блокады, её связь с ходом боевых действий, студенты Северо-западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ приступили к реализации проекта «Ленинградский код Великой Победы». Это стало для них еще одним шагом к пониманию вклада ленинградцев в общую победу советского народа, вклада тех, кто отстоял город на поле боя, кто пережил тяготы жесточайшей блокады, кто жил и боролся, несмотря на холод и голод, бомбежки и артобстрелы, кто отстоял право людей жить в своей стране под мирным небом своим самоотверженным трудом, воинской доблестью и отвагой, а порой и ценой собственной жизни.

Его название выбрано не случайно. Ведь наступательные операции Ленинградского фронта по прорыву блокады города, продолжавшейся 872 дня, в 1943 и 1944 годах стали лейтмотивом всех наступательных

операций Красной Армии, началом освобождения нашей страны от фашистских захватчиков. Недаром 27 января 1944 года, в день полного освобождения от блокады, в Ленинграде был дан праздничный салют 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий (единственное исключение в ходе Великой Отечественной войны, остальные салюты производились только в Москве). Приказ о проведении был подписан командующим Ленинградским фронтом Л.А. Говоровым. Такой привилегии не удостаивался больше ни один из командующих фронтами во время Великой Отечественной войны. 1 мая 1945 года в приказе Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР И.В. Сталина Ленинград впервые был назван городом-героем, официально это звание нашему городу было присвоено в 1965 году. Все это позволяет говорить о наличии Ленинградского кода нашей Великой Победы в самой страшной войне в истории человечества.

В результате реализации проекта «Ленинградский код Великой Победы» был создан сборник, который состоит из шести разделов. Так, в разделе «Этот День мы приближали, как могли...» представлена информация о героях Ленинградского фронта, чьи боевые подвиги уже нашли свое отражение на страницах художественной литературы, и о тех ленинградцах, чьи боевые и трудовые подвиги еще ждут своего литературного воплощения (о «ленинградском Маресьеве» К.В. Галибине; об одном из первых, кто водрузил Знамя Победы над Рейхстагом, участнике прорыва блокады Ленинграда сержанте М.П. Минине; о мировом рекорде для танкистов, установленном под Ленинградом З.Г. Колобановым; о летчиках, взлетевших бомбить Берлин в августе 1941 года с аэродромов под Ленинградом; о трудовом подвиге отца будущего космонавта В.А. Шаталова; врачей и медицинских сестер, работавших в больницах и госпиталях в годы блокады, и т. д.). Раздел «Ленинградцы — гордость моя» рассказывает о гражданских подвигах выдающегося популяризатора науки Я.И. Перельмана, создателей советского ядерного щита Г.Н. Флерова и А.П. Александрова, химика-органика А.Д. Петрова, знаменитых архитекторов и деятелей культуры и искусства блокадного города, одного из создателей «формулы блокадного хлеба» Н.В. Новотельникова; ведет здесь свой рассказ и метроном жизни блокадного города. В разделе «Мы сурового времени дети...» представлены воспоминания детей блокады, которым «в сорок третьем выдали медали и только в сорок пятом — паспорта», а также интересные факты биографии детей блокадного Ленинграда — будущих космонавтов А.Б. Шаталова, Г.К. Гречко, В.А. Рождественского. Название

раздела **«**Я не был на фронте, но знаю…» (экспонаты музеев рассказывают) говорит само за себя. В разделе «А я в том времени остался…» представлены как полотна художников блокадного города, так и эссе по картинам художников блокадного Ленинграда современных школьников, что позволяет ощутить глубинную духовную взаимосвязь прошлого и настоящего. В разделе «И он стоит как символ славы…» собрана в том числе информация о новых памятниках героям блокады.

Работа получила положительную оценку автора ряда учебников по истории России для средней школы и вузов, профессора Московского государственного педагогического университета Л.М. Ляшенко и может быть адресована педагогам и руководителям школьного образования, участвующим в разработках, проектировании и реализации программ патриотического воспитания школьников.

Список литературы

1. Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. М.: Советский писатель», 1979. 298 с.

2. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года. Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. 2025. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413034563/ (дата обращения: 15.01.2026).

3. Кутузов А.В. Блокада Ленинграда в информационном противоборстве в годы Второй мировой войны: Автореф. дис. … на соиск. уч. ст. д-ра истор. наук. СПб: СПбГУ, 2012. 41 с.

3 ФЕВРАЛЯ 2026 Г.